

ВСТРЕЧА

*Литературный альманах
одноименной творческой группы
муниципального образования
«Ленинский район»*

Издательство «РИОТИП»
краевой типографии
Хабаровск
2004

Автор-составитель
Липин Борис Савельевич

Встреча: Литературный альманах: Изд-во «РИОТИП» краевой типографии.— Хабаровск.— 128 с.

В сборнике «Встреча» представлены проза и поэзия одноименной самодеятельной группы авторов муниципального образования «Ленинский район» Еврейской автономной области.

Посвящается 70-летию со дня образования ЕАО.

ISBN5-88570-170-9

Редактор *Н.И. Чековитов*

Читатель!

Ты держишь в руках необыкновенную книгу. Когда ты прочтешь ее, мы надеемся, порадуешься состоявшейся встрече. Встрече с творчеством, вся необычность которого заключается в том, что представленные на страницах альманаха авторы не профессиональные поэты и писатели. Они такие же, как ты, читатель. Одни трудятся на стройке, другие в поле, среди них библиотекари, воспитатели, журналисты, кто-то уже завершил свою трудовую деятельность. Но всем им Господь дал этот дар — умение облечь мысли и чувства в слова. «Мир спасет красота», — говорил Достоевский. Она и спасает. Мир давно бы погиб во зле. Но произносит слова любви поэт, зовет на добрые дела, и откликаются сердца.

На страницах этой книги состоялась встреча авторов разных поколений, устремлений и наклонностей. Но соединила их в этом сборнике одна общая Любовь — любовь к нашей маленькой родине, по которой тоскуют вдалеке, за которую болит сердце. Эти чувства Андрей Вознесенский выразил словами: «Мне больно, когда тебе больно, Россия». Для авторов, представленных на страницах альманаха, эта приамурская земля меж Дауром и Помпеевкой стала источником вдохновения: и призрачная росинка на ветке, и застенчивый подсолнух на грядке, и фиолетовый от багульника склон сопки. И пусть авторы стихов и прозы альманаха «Встреча» непрофессионалы, но их самобытные и, несомненно, талантливые произведения чистым, прозрачным ручейком сумели достойно влиться в полноводную реку под названием Дальневосточная литература. Тем более, в альманахе представлены в основном произведения членов литературной группы с одноименным названием «Встреча», которая существует в районе с 1963 года. В те же годы в Ленинском жил и работал поэт Николай Владимирович Капусто. Он успел опубликовать одну и, к сожалению, единственную книжку под названием «Весенний огонь». Своим рождением группа обязана Николаю Капусто. Он был увлекающимся человеком, влюбленным в наш край, в распахнутые степные просторы, в луга, тайгу и сопки. К нему тянулись, он привлекал людей своей простотой, приветливостью, талантом. Несли ему свои творения ровесники и те, кто только приобщился к творчеству. «Прелестно, — говорил он. — Прелестно! Вот только тут и тут погляди-ка...». И начинался серьезный разговор о поэзии, о литературе, о

жизни. Он был учителем, наставником, своих первенцев он опекал. Они росли под его заботливым оком, выходили на самостоятельную дорогу. Первый состав литгруппы: Федор Абросимов, Евгений Прозоровский, Нонна Степанова, Алла Кузьминская, Александра Цыбанева, Ирина Метелкина. В начале 60-х школьницы Ирина Метелкина и Александра Цыбанева стали участницами семинара поэтов и писателей Дальнего Востока, который проходил в Хабаровске, и их стихи были включены в коллективный сборник стихов «Весенних ручьев голоса», вышедший в Хабаровском книжном издательстве. После этого сборника выходили в разные годы аналогичные издания с участием представителей литгруппы из Ленинского района: «На берегах Биры и Биджана», «Литературный Биробиджан», «Дальневосточная юность» и другие. В сборнике «Литература ЕАО» литгруппе из Ленинского отведена целая подборка.

В разные годы в литгруппе успешно творили стихи и прозу Владимир Журавлев, Николай Сазонов, Мария Фарафонтова, Александр Ивченко, Леонид Петухов, Валентина Панченко, Тамара Ильина, Татьяна Гурская. Многим литгруппа была стартовой площадкой для плодотворной дальнейшей деятельности. Начинали с первых робких стихов и стали профессиональными журналистами Иван Потий, Екатерина Малыгина.

Состав группы постоянно менялся, обновлялся. По разным обстоятельствам одни уезжали, другие приносили свои первые стихи, а иногда и солидные тетради, и на очередном заседании вновь звучали стихи, споры о поэзии, о творчестве, о жизни.

Сегодня в литгруппе «Встреча» новые творческие силы: это прозаик Константин Липин и Евгения Палкина, поэты Нина Есина, Татьяна Боглаевская.

Эта книга — итог коллективного труда за сорок лет. Авторы этого сборника живут среди нас, ходят по сельским улочкам рядом с нами и мучаются над Словом, чтобы найти такое, которое бы донесло боль и радость от сердца к сердцу, от нашего к вашему. И если это у нас получилось, значит наша «Встреча» состоялась.

Остается добавить, что издание сборника приурочено к 70-летию Ленинского района и осуществлено по инициативе главы района С.В. Лаврука на средства местного бюджета.

*Ирина Метелкина, руководитель
литературной группы «Встреча».*

ПРОЗА

Федор АБРОСИМОВ

Родился в селе Жарково в Кулундинской степи на Алтае. С 1937 года живет в Ленинском. Еще в восьмом классе увлекся радиотелеграфом. В августе 1941 года был призван в армию и направлен на Западный фронт. Был личным радистом командующего 50-й армией генерал-полковника И.В. Болдина.

Демобилизовавшись, вернулся в родные места. Ушел на пенсию Федор Родионович с должности заместителя начальника Ленинского районного узла связи.

Печататься начал в армейской газете «Разгромим врага!». Его очерки, рассказы, фронтовые воспоминания публикуются на страницах районной, областных газет, в коллективных сборниках.

Живет в с. Ленинском.

«Рыбачок»

Едва забрезжит рассвет, рыбаки-махальщики тут как тут. Наглухо закрученные в тулупы, пристально смотрят в заветные лунки. И хоть Ноев потоп — не оторвутся. А вот некоторым это на руку. Например, Бзябзину. Что он делает? Видит, у одного рыбачка голов пять или шесть уже поймано. Бзябзин кладет себе тихонько в мешок пару. Проследует дальше. Ежели у которого неудачника два-три сижка или там щучонка-травянка никудышная, Бзябзин оставит бедолагу в покое. На сей счет, он рассуждает всегда логично: совесть надо иметь! И, когда его пустой мешок становился увесистым, он преспокойно направляет собственные стопы в сторону дома.

Однажды номер не прошел. Зацапали махальщики его на месте преступления. Бзябзин был мужичок, хотя и невысокий, но крепенький, поэтому к концу «ледового по-

боища» отделался только оторванной полой полушубка да получил в довесок шишак на удрученное чело. Зато, когда из бзябзинского мешочка вытряхнули «улов» и когда Бзябзин с поспешностью дикого вепря скрылся за ближайшим пригорочком, что на льду началось!

— Ты, почто такой-рассякой врешь, будто у тебя он трех тайменей взял? Ведь одного вытащил ты.

— А у меня он четырех уволок!

— Давай мне вон тех!

— Куда ленка схватил? А то леща получишь!

Вот такая завязалась баталия! Кто-то предложил: — Да перестаньте вы! Пошлем лучше за Бзябзиным. Он и растолкует нам, что у кого брал.

Так и сделали.

На старой Калужской дороге

— Ну, как там?

— Где?

— У Малых Крутиц?

— Пока все по-старому.

Конник из пункта сбора донесений Богусловский только что вернулся из Ситского, неподалеку от Малых Крутиц. Туда он не попал. Связной вез приказ командиру нашей дивизии от вышестоящего штаба, но повернул назад. Иначе он был бы убит, а пакет достался бы врагу. Об инструкции коннику мы не знали, и пересудам не было конца:

— Струсил просто парень.

— Как это так — невозможно?

— Вот я бы!

— Что, я бы? Сидим здесь, в Прожирино, а каково там нашим?

Восточнее Юхнова, в калужской деревеньке как-то нечаянно остались хозяйственники и радисты. Первые под покровом ночи не раз пытались вывезти походную кухню туда, в район Малых Крутиц. Такие экспедиции обычно возглавлял наш земляк армейский повар Сергеев. Тогда у него был немецкий трофейный конь. Громадный такой битюг, с норовом. Как только походная кухня попадала под обстрел, «немец» рвал построики и удирал. Ловили всем взводом.

— Не желает к прежним хозяевам, и все тут! — смеялись повара.

Но смех смехом, а из леса выйти мы не могли.

Что же происходило в тех Малых Крутицах? Все выяснилось позже. Наша дивизия, действуя менее чем половиным составом, опрокинула тоже изрядно потрепанные части немцев и вышла на старую Калужскую дорогу, чтобы позднее ударить по Юхнову. Говорят, первым с пулеметом в руках вышел на дорогу командир артиллерийского полка майор Сахаров. Он сразу же поджег несколько автомашин, создав на дороге пробку и панику.

По данным разведчиков, 300—400 боевых единиц в час проходило взад и вперед по дороге. Легко можно себе представить, что значил для немцев час остановки. И заваруха началась. Дорога горела, трещала, пылала. Ночью здесь было светло как днем. А днем немцы подтянули свежие части и потеснили нашу дивизию к лесу, в район Малых Крутиц, а позднее и совсем окружили. Со всех четырех сторон закованные в снег танки, снежные валы, политые водой. Ходит один фриц, постреливает из пяти — десяти амбразур, и получается сплошная завеса огня. Ночью на парашютах ракеты. Чуть где шорох — сразу подаются голос шестнадцатиствольные минометы, летят «скрипуны», бьет артиллерия, кашляют огнеметы. Мышь не проскочит.

Но наши все же вырвались. Хотя и казалось это невозможным. Из моих земляков-дальневосточников там были от начала до конца Иван Бояркин, Кирилл Ковальчук, Николай Вершинин — все из Ленинского района, Миша Смагаринский, Гриша Рыжик — из Биробиджана, Николай Соломатов — со станции Верино, майор Приходько — из Хабаровска. Мазит Мухамедов — из Облучья.

— Первый раз в жизни, — рассказывает Николай Вершинин, — получил я необычную команду:

— Вынуть замки из орудий!

Радистам было приказано:

— Уничтожить радиостанции!

Телефонистам:

— Сломать аппараты!

Всем остальным:

— Не стрелять. Беречь патроны и гранаты для прорыва!

Ночью начался штурм.

Все устремились в один узкий проход — результат многих бессонных ночей разведчиков. Маленькое болотце с никогда не замерзающим ключом. Неприятельские пушки били сюда редко, так, больше для острстки. Немцы

знали: здесь все равно не пройти. А русский солдат прошел. Бросали под ноги все: бревна, сено, ящики из под артснарядов, бушлаты, шинели, стеганки. Пока немцы поняли, что к чему — добрая половина окруженных оказалась по ту сторону болотца. Остальным пришлось туго. Многие обливаясь кровью форсировали ничейный пятак, кто как мог.

«Только бы уйти от осветительных ракет, — думал Иван Бояркин, — а там лес, темно — ищи в поле ветра».

Он вдруг увидел, как чуть в стороне, прямо у нас в тылу, вспыхнул яркий ослепительный сноп света и снова наступила темнота. Бояркин бросил в ту сторону последнюю связку гранат и сразу же почувствовал, как рукав шинели наполняется теплой густой кровью. Кто-то подхватил, поддержал его.

— Крепись, браток! Молодец, автоматчика накрыл ты точно!

Очнулся Бояркин в медсанбате. Дальше госпиталь, тыл. Там сказали:

— Отвоевался...

... Вскоре в Прожирино стало тесно от тех, кто вышел из Малых Крутиц и тех, кто шел туда. Гвардейские минометы, гаубицы РГК, танки, пехота, артиллерия — устремились к немецким укреплениям.

Когда проходили снова по тем местам, лес был обципан, как трава. Снег стаял от залпов «Катюш», как будто туда уже пришла весна. Не только Большие, Малые Крутицы, Ситское, но и большая часть окрестных деревень, расположенных на старой Калужской дороге, была очищена от немцев. Путь на Малоярославец и дальше на Москву стал свободен.

«Маломощники»

Илья Краковец — высокий, широкоплечий кубанец с ниспадающим чубом — неистово крутил ногами тяжелый генератор. Микола Кандыба выбивал на вогнутом ключе азбуку, придуманную великим изобретателем Морзе.

А в землянке Коля Торгашев — красивый парень, с темными бровями, будто проведенными циркулем, правильным носом, мелодичным голосом, но невероятно неряшливый и беспечный — за обе щеки уплетал колющий и черствый хлеб. Буханка — паек на два дня — прибли-

жалась к печальному исходу, что мало смущало веселого Колю.

— Торгаш, а где булка? — согнувшись, пролез в землянку напарник Торгашева — высокий и худой как жердь, его тезка — Крылов.

— Тью-тью, — и запрокинув голову, со смехом пожирает хлебных изделий развел руками с пальцами пианиста.

— Командир роты вызывает.

Коля Торгашев к старшему лейтенанту Колчинскому пошел в таком же виде, как есть, хотя заведомо знал — впереди неприятности. Несколько позже тот же Коля Торгашев улетит в партизанский отряд и обеспечит там надежную радиосвязь.

И другие их товарищи-радисты с радиостанциями малой мощности через плечо на протяжении всей войны продвигались по всем направлениям 50-й армии, какие бы хляби небесные не низвергались на них.

Например, Никифор Шауров и Николай Кабанков не раз бывали на КП и НП не только дивизий, но и полков. Их РБМки всегда работали надежно. За операции на знаменитой «Зайцевой горе» инженер-капитан С.Б. Брискин, не раз побывавший в том пекле и выходивший из окружения, от имени командования вручил Кабанкову и Шаурову медали «За отвагу».

«Маломощники» никак не могли работать без зарядной базы. Аккумуляторы требовали постоянной формирования, зарядки, ремонта. Возглавлял зарбазу Иван Карташев. Начальники так называемого РУКа (радиоузел контроля) старший лейтенант Ципенюк, лейтенант Алоянц, младший лейтенант Тимофеев одно время по совместительству руководили «маломощниками».

Мы с Василием Коротковым — оба радиотелеграфисты 1 класса — длительное время держали связь со штабами 2-го и 3-го Белорусских фронтов на самой маломощной радиостанции «Север».

Не обходилось здесь и без курьезов.

— Дорогой Михаил Григорьевич, давай-ка лезь на дерево, привязывай на вершине палку с антенной. Твоя очередь, — предлагали мы Гусеву.

— Нет, не смогу.

— Боишься?

— Отдежурю за тебя смену, но не полезу.

Тогда я вскарабкался на 20-метровую лиственницу Брянского леса и на самой ее верхушке начал раскачиваться из озорства.

— Что ты делаешь? Упадешь! Прекрати немедленно! — переживал за меня внизу Михаил Григорьевич.

Мне тогда было 20, ему — 55.

Как-то в моем доме ухудшилась тяга в дымоходе. Следовало залезть на крышу и посмотреть в трубу. Только до половины смог я пройти по коньку, вернулся. Обуревала боязнь, а вдруг упаду? Ждал сынишку Сашу, пока он придет из школы. Тот бегом пробежал по крыше.

— Надо палку, куржак.

Пока я искал ее, Саша начал зачем-то спускаться к карнизу.

— Что ты делаешь? Упадешь, прекрати немедленно!

Тогда мне исполнилось 55, теперь же пошел девятый десяток. Но все равно кажется, что совсем недавно мы были «маломощниками»...

Константин ЛИПИН

Константин Савельевич Липин родился в 1931 г. в г. Облучье ЕАО. В этом городе железнодорожников началась его трудовая жизнь. В возрасте 14 лет он поступил работать почтальоном в районный узел связи. Потом был раздатчиком топлива на угольном складе, рабочим на электростанции, грузчиком в райпо и, наконец, литературным сотрудником в районной газете «Сталинский призыв».

В 1951 г. К. Липина берут на работу в краевую газету «Молодой дальневосточник», где он трудился сначала литсотрудником, потом собственным корреспондентом по Камчатской области и заканчивает службу в этом издании в должности заведующего отделом. Затем была работа в газетах «Охотско-эвенская правда», «Дальневосточный лесник», «Суворовский натиск», «За коммунистический труд» (п. Терней Приморского края), «Сельская новь» (Хабаровский район), в краевом комитете по телевидению и радиовещанию. Промежутки были заполнены работой в должностях учителя Красной яранги Охотского отдела культуры, сезонного рабочего Гижигинского рыбокомбината (Магаданская область), матроса лихтера (Инской рыбокомбинат), инструктора Дальневосточной базы авиационной охраны лесов от пожаров, литературного секретаря Дальневосточного бюро пропаганды художественной литературы при Хабаровской писательской организации. В 1991 г. ушел на пенсию с должности ответственного секретаря ленинской районной газеты «Амурская нива».

К. Липин печатался в журналах «Дальний Восток», «Полярная звезда», «Сокол», «Молодая гвардия», «Аврора» и в некоторых других. Его произведения публиковались в сборниках Хабаровского книжного издательства.

Это же издательство выпустило сборник повестей и рассказов К. Липина «Искатели женьшеня».

Дорогой подарок (рассказ)

Неприятности начались с самого утра.

Едва девчонки вышли из дому, как тут же наткнулись на дворничиху. Наташа, опустив голову, хотела быстренько проскользнуть мимо, но Варюха, эта недотепа, запнулась — никогда не смотрит под ноги! — сронила туфельку и пока подбирала ее, тетя Надя успела зацепить их разговором.

— Что ж это вы, девчатки, не здороваются-то, а? Уже такие большие, а уважения к старшему нету.

Дворничиха говорила густым мужским голосом.

— Здравствуйте, тетя Надя! — сказала Наташа, потупив глаза.

— То-то же, — удовлетворенно пробасила дворничиха, — здороваться со старшими всегда надо. В школе-то вас чему учат: чтобы вежливыми были. А как же?

— Варюха, ну чего ты там застряла? Пойдем скорее! — позвала Наташа.

— Вишь, какая гордячка, — обиделась тетя Надя. — И поговорить не хошь. Куда это вы с сумками?

— Да мы... — начала Варя и растерянно посмотрела на сестренку.

— В магазин, — быстро подхватила Наташа.

— В магазин? — притворно удивилась дворничиха. — Так ведь нужно идти по этой дороге. Али где новый открылся?

— Да нет, нам еще нужно к подружке зайти, — сказала Наташа.

— Ой, не ври-ка, Наталья. Знаю я, какие у вас там подружки. Что, папка посылает, что ли?

Худенькое бледное личико Наташи вмиг покрылось пунцовыми пятнами. Она опустила голову и тупо уставилась на дворничихины сапоги, густо запорошенные серой пылью.

Тетя Надя достала из-под потертого брезентового фартука пачку «Прибоя» и не спеша закурила.

— Что, говорю, папка направляет, что ли?

— Да нет, мы сами, — сказала Наташа. — На мороженое.

— А что, папка перестал пить? — продолжала допрашивать тетя Надя.

— Перестал, — в один голос ответили девчонки.

— Ну и слава тебе, Господи. А я так думала, что он вас направляет. Целое горе, когда в доме пьяница. Мой вот Викентий Никитович-то тоже любил водочку. Она и свела его в могилу допрежь времени. Помните дядю-то Викешу? — Тетя Надя громко высморкалась и, вытерев руку о фартук, вздохнула. — И вашего папку кондрат хватит, если не бросит пить.

— Да он бросил, — нетерпеливо сказала Наташа. — Ну, мы пойдем, тетя Надя. Нам поскорей надо. Пошли, Варя!

— Во дворе-то я все прибрала, зря время не тратьте, — пророкотала вдогонку дворничиха. — Вы сразу по кусточкам пройдитеесь. Вон тамо-ка видала я вчера конпанию. Долго заседали. Вон под теми деревцами.

Из-за угла дома вывернулась молодая растрепанная женщина с помойным ведром в руке.

— Ты куда это их посылаешь? — спросила она сиплым прокуренным голосом. — Эй вы, соплячки, а ну-ка рвите когти отсюда! Дети, называется. Ни стыда, ни совести.

— А у тебя, Манька, есть ли совесть? — укорила ее дворничиха. — Уж который месяц не работаешь. Старуха была бы, тогда ладно. А так стыд один. Кто тебе такой фонарь-то повесил?

— Не твое дело! — отрезала Манька, ее желтое мятое лицо исказилось.

— Поменьше бы мужиков водила, тогда бы...

— Я тебе еще раз говорю: не твое дело! — окрысилась Манька. — Вот взяла в руки метлу и мети давай, а в чужую жизнь не лазь.

Наташа дернула сестренку за руку.

— Ну, чего ты рот разинула? Пошли. И так вон на сколько задержались.

Скорым шагом — впереди Наташа, за ней, быстро перебирая исцарапанными ножонками, Варя, — они пошли по направлению к густым развесистым вязам, образовавшим целую рощицу за длинным покосившимся сараем, разделенным на кладовки.

— Вам сказано: не ходить туда! — прохрипел Манькин голос. — Я им стакан давала, а вы лезете. Надеру вот сейчас уши — будете знать. И куда только родители смотрят!

Варя испуганно огляделась и остановилась в нерешительности.

— Пойдем, пойдем! — потянула ее за собой Наташа.
— Не обращай ты внимания на эту проститутку.

Варя удивленно округлила глаза.

— Натка, это же нехорошее слово! Скажу маме, что ругаешься.

— Ябеда.

— Мама ее сама так называла. Помнишь, когда последний раз с папой ругалась?

— Я тогда рано уснула.

— А я все слышала. Папа в гости к ней ходил, к этой Маньке. Домой еще на бровях приполз.

— На бровях? — поразила Варя.

— Ну, так говорят про пьяных. Чего ты опять остановилась? Пойдем!

Девочки побродили немного по окраине двора, но как только увидели, что Манька со своим ведром скрылась за углом дома, юркнули за сарай. Солнце сюда еще не достигло, и потому здесь было зябко и не уютно. На сырой утоптанной земле и мокрой щетинистой травке, сиротливо жавшейся к стволам деревьев, в изобилии валялись грязные измызганные окурки, обрывки газет и серой оберточной бумаги. Среди огрызков хлеба, огурцов и рыбьих костей тускло мерцали осколки бутылочного стекла.

— Ищи давай, ищи! — сказала Наташа. — Да побыстрее! А я побегу с той стороны посмотрю.

Не прошло и минуты, как раздался ликующий Варюхин голос:

— «Чебурашка»! Еще одна! Натка!

— Тише, дура, — прикрикнула Наташа.

— Сама дура!

— Пошли отсюда. Разоралась как сумасшедшая. Манька поймает — будешь знать.

— А куда мы сейчас?

— На берег пойдем.

— Далеко ведь, — Варя состроила недовольную гримаску.

— Зато сразу наберем сколько надо.

Закоулками они выбрались на дорогу и дружно затопали старыми разбитыми туфельками по серому потрескавшемуся асфальту. В Варюхиной сумке весело позвякивали две «чебурашки», в Наташиной одиноко и молча лежала большая бутылка темного стекла.

— Там хорошо, на речке-то, — продолжала Наташа. — Сразу и этикетки можно отмыть. Да и посуды побольше, чем за этими сараями. Если будет много, я «гусыню» выброшу.

— Давай сейчас выбросим, — сказала Варя. — Все равно их не принимают. Чего зря тащить? Такая тяжелая.

— Подожди еще. Может, на речке ничего нет. Если бы не эта Манька, я бы там и по ноль-пять нашла.

— Проститутка такая.

— Ты что, сдурела? Не смей больше так говорить! Маленькая еще.

Лукавая лисья мордочка Варюхи померкла. Девочка обиженно надула губы и, отстав на несколько шагов, некоторое время молча плелась сзади.

— Варь, а Варь, а ты молодец, — подольстилась Наташа. — Надо же так: сразу две штуки нашла. Я так вот только одну, и то «гусыню». Кто-то, наверное, уже пошарил там.

Варя устала на сестренку недоверчивый испытующий взгляд, не зная, как отнестись к ее словам. Но вот остренькое личико девочки стало оживать и вдруг все разом засветилось улыбкой.

— «Чебурашечки» мои милые! — пропела она, догоняя Наташу. — Их-то всегда принимают, не то что «гусынь». Верно ведь? Да, Ната?

Улица привела девочек к лестнице с выщербленными бетонными ступенями. Они вприпрыжку спустились по ней и оказались на берегу реки.

Здесь была благодать. Солнце, еще не жаркое, все вокруг заливало радостным теплым светом. Река текла лениво, словно еще не успела проснуться после короткой ночи. Легкий ветерок шевелил на желтом пляжном песке длинные тени деревьев. В листве прыгали и весело переговаривались воробьи.

— Давай маленько посидим, — предложила Варя. — Таковую даль прошли.

— Ладно, — согласилась Наташа. — Только пойдем на скамейку, а то трава еще мокрая.

Они вышли из-за деревьев на широкую пляжную полосу и вдруг остановились.

— Там кто-то сидит, — испуганно прошептала Варя.

— Без тебя вижу. Это Ванька Цё. Зараза такая, опять пришел сюда. Давай потихоньку назад, пока не увидел.

Но было уже поздно.

— Эй вы, цё вы там делаете? — раздался гугнявый голос. — Опять за бутылками присли? Мало я вам давеце дал? Есё хотите? Сейчас добавлю.

Не спуская с Ваньки настороженных глаз, девчонки стали пятиться обратно к деревьям, готовые в любой момент пуститься наутек.

— Ну ладно, ладно, не бойтесь, — вдруг смиростивился Цё. — Эй, пацанки, не бойтесь, говорю. Идите, собирайте. Мне узе хватит. Вот, видите.

Он похлопал по замызганному рюкзаку, звякнувшему бутылками. Девочки в нерешительности остановились. Цё меж тем достал из своих штанов сигаретку и, лихо чиркнув спичкой, прикурил, пустив вокруг себя серое облако.

— Идите, девцата, собирайте, — снова пригласил он. — Цё вы боитесь? Я посутил.

— Пошли, Ната? — робко шепнула Варя.

— Стой. Он знаешь какой хитрый, — так же шепотом, ответила Наташа. — Давай-ка, лучше еще немного отойдем.

— Да не бойтесь, дуроцки, — сказал Ванька, увидев, что девчонки снова стали пятиться. — Собирайте, а то есе кто придет — вам меньше будет. Я узе ухозу.

Выплюнув измусоленный окуроч, он взвалил на свою тощую спину рюкзак и, погромохивая посудой, поплелся к лестнице.

Бутылок после Ваньки Цё осталось на берегу негусто. Тем не менее, девчонкам удалось доверху наполнить свои сумки. Правда, пришлось обойти не только пляж, но и обшарить все прибрежные кусты и лужайки. Зато добыча, надо прямо сказать, была неплохой.

— Теперь «гусыню» можно бросить, — сказала Наташа. — И без нее хватит.

Она достала бутылку и отставила ее в сторону.

— Может, кому пригодится. Давай, Варюха, отмачивай этикетки, а я буду сдирать.

— Нат, а Нат, а Ванька Цё почему-то сегодня добрый, — сказала Варя.

— Никакой он не добрый. Хулиган самый настоящий. Его из школы за это исключили.

— А почему же он не прогнал нас? Собирайте, говорит, девцата. Может, исправился?

— Откуда я знаю? Ты скорее там пошевеливайся, заснула, что ли?

— Ната, а сколько мы сегодня собрали?

— Шестнадцать штук, — сказала Наташа.

— Это сколько будет денег?

— Возьми да подсчитай.

— Ну, скажи, Ната.

— Не стыдно тебе? Во второй класс перешла, а считать не умеешь. Мало тебя мама лущевала.

— Здесь же разные. Трудно сосчитать.

— Сейчас уже все одинаково стоят.

— Ну, все равно, сколько?

— Три двадцать, — буркнула Наташа.

— Ого! — обрадовалась Варя. — Много набрали! Да, Ната? Теперь уже, наверно, хватит?

— Хватит.

— Теперь уже не будем больше собирать? Да? Это в последний раз?

— В последний.

— Надоело как.

— А мне, думаешь, не надоело?

— Теперь в кино будем ходить. Верно ведь? И мороженое есть. Да, Ната?

— Ну что ты заладила со своим мороженым! Пойдем.

Наташа подняла сумку и пошла, утопая в мелком рыхлом песке. Варя потащилась вслед за ней. Добравшись до середины лестницы, девочки окончательно выбились из сил. Ломило руки и ноги, от соленого пота щипало глаза. В полном изнеможении Варя уселась прямо на грязную ступеньку. Наташа, хотела было, выговорить ей за это, но махнула рукой и молча присела рядом. И тут, откуда ни возьмись, появился Ванька Цё. На его неумытом сером лице блуждала хищная улыбочка.

— Цё, девцата, насобирали? Ну-ка, дайте посмотреть.

Наташа обеими руками цепко схватилась за свою сумку. В тот же миг вцепился в нее и Ванька. Он с силой рванул сумку к себе. Но девочка держалась, словно клещ.

— Ах ты, суцка такая! — возмутился Цё.

Освободив одну руку, он больно ударил Наташу по шее ребром ладони, затем схватил за ворот платица и так рванул, что ветхая материя затрещала. Наташа вскочила на ноги и толкнула Ваньку в его тощую костлявую грудь. Тот попятился, наткнулся сзади на сумку и упал. Зазвенели покотившиеся по бетонным ступеням бутылки. Варя, с немим ужасом наблюдавшая за схваткой, словно очнулась от этого звона. Закрыв лицо ладонями, она вдруг завизжала диким дурным голосом.

— Замолци, суцка! — крикнул Ванька, вздрогнув от неожиданности, и бросился к Варюхиной сумке.

Наташа метнулась ему наперерез и вцепилась ногтями в лицо Ваньки. Однако тот вывернулся и ударил ее ногой в живот. Девочка согнулась от боли, хватая ртом воздух и не в силах как следует вздохнуть.

— Цё, получила? — злорадно сказал Ванька. — А ты, когда замолцись! — он подскочил к Варя и замахнулся на нее грязным костлявым кулачком. — Убью!

Из его щербатого рта вместе со слюной вырвалось злобное дыхание, насыщенное смесью запахов лука, табака и дешевого вонючего вина. Варя в ужасе зажмурила глаза, втянула голову в плечи, ожидая удара. Но в этот момент чья-то рука крепко схватила Ваньку за воротник.

— Ты что же делаешь? — раздался гневный хриловатый голос. — Стой спокойно!

Ванька скосил глаза и увидел невысокого крепенького старичка с крупной, коротко остриженной головой.

— Что у вас происходит? — спросил старичок, тяжело дыша. — Почему молчите? Это ты кричала, девочка?

— Ага, — Варя кивнула головой.

— Почему же ты кричала?

— Он хотел... хотел, — Варя недоговорила и разразилась рыданиями.

— Так, ясно, — сказал старичок, окинув взглядом лестницу. — Это ваша посуда?

— Ага, наша, — плаксиво протянула Варя.

— Значит, он хотел вас ограбить? Ясно. Ну, перестань плакать. Давайте собирайте свою посуду и пойдемте.

— А куда? — спросила Варя.

— Как куда? — удивился старичок. — Надо всем вместе идти в милицию.

— Нам поскорее домой нужно, — сказала Наташа.

— Вот как? — старичок задумался. — А зачем?

— У нас мама больная.

— Ясно, — сказал старичок. — Пойдемте!

— Дедушка, вы лучше отпустите нас, — попросила Наташа. — Мама не велела долго задерживаться.

— Зовите меня Федором Викторовичем, — ответил старичок. — А что касается мамы, то можете не беспокоиться. Ей все объяснят. Кстати, а эту посудину почему не подобрали?

Он наклонился, чтобы поднять лежавшую у самых его

ног бутылку, и на миг ослабил руку, державшую Ваньку за воротник. Этого для смышленного парнишки было достаточно. Он сделал отчаянный рывок и помчался вверх по лестнице.

— Ах ты, пострел! — вскричал Федор Викторович и бросился вслед за Ванькой.

— Бежим, Варюха! — сказала Наташа, как только Федор Викторович скрылся в густой высокой траве.

— Давай сюда сумки!

Покраснев от натуги, Варя одну за другой передала сумки Наташе, и та осторожно опустила их на землю.

— Теперь давай сама. Ну, чего ты?

— Высоко.

— Не бойся, помогу. Быстрее давай!

Варя подпрыгнула и легла животом на перила, беспомощно болтая ногами.

— Перелезай теперь на эту сторону. Да чего ты, как неживая!.. Так. Прыгай теперь. Ну!

Она подхватила сестренку и вместе с ней кубарем повалилась в густую пахучую траву.

— Не ушиблась? Молодец, Варюха! Полезли теперь под лестницу. Берись за сумку.

— Ой, темнота какая. Страшно. Давай лучше в кустах спрячемся.

— Там сразу найдут. С лестницы же видно.

— Ну ладно. Только ты первая лезь.

Под лестницей было сумрачно и затхло. По голой земле стлались бледные растеньица, тянувшиеся своими хилыми стеблями к свету.

— А здесь лягуш нету? — прошептала Варя.

— Нету.

— А крыс?

— И крыс нету. Не бойся. Ты же вон какая смелая.

Они втащили за собой сумки и сели на них, пригнувшись, чтобы не касаться головой покрытого паутиной верха.

— Ната, а это что такое? — снова прошептала Варя.

— Где?

— Вон, видишь?.. Ой, шевелится! — она прильнула к сестренке, дрожа всем телом.

Наташа пристально всмотрелась в странный темный предмет. Похоже, как будто сидел маленький скорчившийся человечек. Вот он, вроде бы, пошевелился. Девочка крепко зажмурила глаза и тут же снова открыла их.

Нет, показалось, что шевелится. Больше всего, пожалуй, похож этот предмет на мешок. Ну да, вон и лямка виднеется.

— Фу, дуры! — выдохнула Наташа. — Это же Ванькин рюкзак. Вот где он нас поджидал, зараза. А я все думала, откуда он взялся. Только сели, а он тут как тут.

— А его поймают? — спросила Варя.

— На улице же народ. Куда ему деваться, как миленького приловят.

— А нас не приловят?

— Чего ворожишь, дура! Плюнь три раза через плечо.

— Нат, а Нат, а кто этот Федор Викторович?

— Откуда я знаю? Наверно, милицейский пенсионер.

— Нат, а...

— Тише, — прошептала Наташа. — Слышишь? Это они.

Сверху доносились невнятные мужские голоса. Девочки кривтаились, напрягли слух.

— А вы, случаем, не обознались местом? — спросил кто-то молодым звучным голосом.

— Ну, что вы, — хриловато ответил другой. — Кстати, вот и битые посудины валяются, — он помолчал, затем прочистил горло, издав рычащий звук, и негромко крикнул: — Девочки! Эй, девочки! Где вы? Это я, Федор Викторович.

— Сбежали, выходит. Здесь под лестницей, случаем, нет выемки?

— Нет, лестница здесь до самой земли, — ответил Ванькин голос. — Не попадес туда.

— Ладно, что поделаешь, — сказал Федор Викторович. — Пойдемте. Спасибо вам, товарищ сержант, за помощь. Мне за этим пострелом ни за что бы не угнаться.

— И вам, Федор Викторович, спасибо.

Девочки выждали еще несколько минут, прислушиваясь к доносившимся сверху звукам.

— Ну, все, ушли, — сказала Наташа. — Вылазь, Варя. Вот зараза, как он мне платье порвал! А лицо-то у тебя, Варюха! Пошли на речку. Заодно и «гусыню» там заберем.

— А много у нас разбилось?

— Три штуки. Две совсем кокнулись, а у одной горлышко немного отбилась.

— А еще одну Федор Викторович кокнул.

— Да, значит, всего четыре.

Вода в реке была прохладной, поэтому купаться девочки не стали, а только поплескались немного у берега и освеженные, бодрые, быстро поднялись к своему убежищу. Вытащив из-под лестницы сумки, они выбрались ко-согором на дорогу и тут — поистине несчастливый был для них этот день — лицом к лицу столкнулись с Наташиной учительницей. Вера Ивановна шла рядом с симпатичным, украшенным аккуратной бородкой мужчиной и жизнерадостно улыбалась.

Деваться было некуда. Наташа повернулась к учительнице спиной, надеясь, что та ее не узнает. Но не тут-то было.

— Гармашева? — услышала она удивленный голос. — Что ты тут делаешь в таком платье?

— Здравствуйте Вераванна, — сказала Наташа, повернувшись.

— Здравствуй, Гармашева. Так что ты тут делаешь?

— Мы купаться ходили, — ответила Наташа.

— Так далеко от дома? И родители тебя отпустили?

— Да, отпустили.

Глаза Веры Ивановны уставились на Наташину сумку. Оттуда предательски высовывалось темно-зеленое горлышко «гусыни».

— А это что такое? — пришла в ужас учительница. — Как тебе не стыдно, Гармашева, заниматься такими делами! Ты бы за это время лучше прочитала какую-нибудь книжку. Ведь по русскому еле-еле перешла.

— Верочка, пойдем! — позвал бородач, дожидавшийся учительницу у входа на лестницу.

— Сейчас, Петр Николаевич, — отозвалась Вера Ивановна, одарив своего спутника лучезарной улыбкой. Вслед за тем лицо ее стало неприятно жестким.

— Так что же мы с тобой делать будем, Гармашева? Собираешь бутылки, — учительница брезгливо поморщилась, — ходишь по городу в грязном разорванном платье. Весь класс позоришь своим поведением. И девочку плохому учишь. Что это за девочка?

— Сестренка, — тихо сказала Наташа, на ее глазах навернулись слезы.

— Вот! Сестренка к тому же! Как тебе только не стыдно, Гармашева!

— Вера! Ну, пойдем же! — снова позвал Петр Николаевич красивым бархатным голосом.

Рядом остановились какие-то две полные толстоще-

кие тетки и усталились на учительницу, с интересом прислушиваясь к ее словам.

— Так вот, Гармашева, сейчас же выбросьте свои грязные бутылки и ступайте домой. Ты поняла меня? За учебниками лучше посиди. Полезнее будет.

Колочее брезгливое выражение на лице Веры Ивановны снова сменилось лучезарной улыбкой. Она повернулась и легким летящим шагом помчалась к своему симпатичному Петру Николаевичу.

Поникшие девчонки поплелись дальше, тяжело таща свои сумки с бутылками.

— Почему-то плохо все сегодня, — вздохнула Варя.
— Верно, ведь? Да, Ната?

— Пришла беда — отворяй ворота.

— Какие ворота?

— Почем я знаю. Тетя Надя так говорит... Хоть бы посуду всю приняли.

— А если примут — нам останется на мороженое?

— Останется.

— На пломбир? Да, Ната?

— На пломбир.

К приемному пункту они дотащились вконец измотанные своей тяжелой ношей. Здесь толпилось около десятка человек. Без всякого порядка тут и там лежали мешки и кошелки с бутылками.

— Кто последний? — негромко спросила Наташа.

— Кто последний? — повторила она погромче.

Никто не отозвался. Стоявший рядом мужчина в поношенном мятом костюме повернул к ней хмурое, давно не бритое лицо.

— Сама ты последняя. Научись вначале спрашивать — тогда занимай... за мной будешь держаться.

Следом за девочками подошла молодая женщина с большой крупночестой авоськой, до отказа набитой бутылками. Пристроив свою поклажу возле дерева, она помахала рукой, словно с кем-то прощалась.

— Что, занемела? — участливо спросила сидевшая на разбитом ящике маленькая чистенькая старушка.

— И ты здесь, Викентьевна? Ой, и не говори, ничего не чуёт. Кто крайний-то, не знаешь?

— Да вон эти девочки, — ответила старушка.

— За вами я буду, слышите? — сказала женщина, обратившись к Наташе, и снова повернулась к собеседнице. — Как сегодня принимают, Викентьевна, всякие?

— «Чебурашки» не берут.

— Да ты что? Пропади они пропадом такие порядки! Как вздумается, так и принимают.

— А что это за «чебурашки»? — поинтересовался представительный интеллигентный мужчина в очках и в шляпе, только что подошедший к очереди. При себе он имел саквояж, заметно оттягивающий руку.

— Да вот какие, — услужливо сказала Викентьевна, извлекая из своей небольшой хозяйственной сумки полупитровую бутылку с коротким кургузым горлышком.

— Надо же придумать такое, — усмехнулся интеллигентный мужчина. — Слава Богу, у меня таких нет.

— То ноль-восемь не принимают, то цветные, то «чебурашки»! — продолжала возмущаться женщина. — Когда только наведут порядок в этом деле! Тащишь их в такую даль и — на тебе, не принимают!

— Слышь, Ната, — сказала Варя. — «Чебурашки» не берут.

— Слышу, — мрачно отозвалась Наташа.

— А у нас их сколько?

— Три штуки. Лучше бы они там разбились. Ну, ничего, «гусыню» сдадим.

— Теперь на мороженое не хватит.

— Не умрешь.

Сдав бутылки, они уныло поплелись домой. Настроение у обеих было препротивное. Но постепенно о неприятностях, преследовавших их с самого утра, думалось все меньше и меньше. А перед домом девчонки и совсем забыли о своих огорчениях.

Рядом с дверью их квартиры стоял большой деревянный ящик, в котором зимой Гармашевы хранили картошку. Наташа засунула за него сумки и нажала кнопку звонка. Отворила им бабушка.

— А, гулены явились, — ласково проворчала она. — Где ж вы пропадали с самого утра? Оголодали, небось? Сейчас я вам чайку согрею. Да помидоров с хлебушком поедите. А может, картошку подогреть, что с утра осталась?

Бабушка вошла в кухню готовить еду, а девочки неслышными мышками прошмыгнули в свою комнату. Наташа запустила руку под кровать и вытянула оттуда старый картонный ящик, в котором хранилось их девчачье добро. Она разгребла разные пестрые лоскутки, измызганные резиновые игрушки и достала со дна небольшой

сверток. Развернув его, девочка переложила туда из своего кармана два потертых рубля.

— Дай посмотреть, — попросила Варя.

— Денег не видела, что ли?

— Ох ты, сколько! Как раз теперь хватит. Да, Ната?

— Как раз.

— Жалко, «чебурашки» не приняли. Мороженое бы купили. Хорошо, когда не надо копить. Верно ведь? И киношные деньги теперь наши будут. Да, Ната? В кино будем ходить.

— Девоньки! Где вы там? — донесся из кухни певучий дребезжащий голос. — Кушать идите!

Варю, словно пушинку ветром, смело с места. Наташа спрятала сверток, тщательно замаскировала его игрушками и лоскутками, задвинула ящик под кровать, затем быстренько переоделась в другое платье и тоже помчалась в кухню.

— Вишь ты, какой аппетит нагуляли, — ворковала бабушка. — Жуйте только получше. Не глотайте целиком, животы разболются. Утром как взметнулись — я и не видела. Не отпустила бы без завтрака.

Набив животы, девочки лениво поднялись из-за стола.

— Бабушка, мы — гулять, — сказала Наташа.

— Опять? Да отдохнули бы маленько. Неужто не устали? Ну ладно, ладно. По дорогам только не бегайте. Машин вон сколько развелось. Так и шастают туда-сюда. Ты, Наталья, присматривай за Варюшей-то. Неровен час... — последние бабушкины слова заглохнула захлопнувшаяся дверь.

Девочки не спеша спустились на первый этаж и вышли во двор. Здесь никого из подружек не оказалось. Делать было нечего, и сестры бесцельно побрели по детской площадке, где вокруг покосившегося деревянного грибка возилась малышня.

— Нат, а Нат, — вдруг сказала Варя. — Знаешь что?

— Что?

— А давай еще бутылки поищем. Так мороженого хочется. Уж сколько не ели.

— Опять ты со своим мороженым! Я сказала, что ни в жизнь не буду больше собирать эти бутылки. Хватит с меня. Шея вон еще не прошла после этого Ваньки. Зараза такая, так сильно стукнул.

— Ну ладно, — вздохнула Варя, — я тоже сказала,

что ни в жизнь не буду их собирать. Подождем до завтра. Папа обязательно на пломбирчик даст. Верно ведь? Да, Ната?

— Верно, верно. Вон смотри, Шурка Кондратьева вышла со скакалкой. Шура! Иди сюда!

До самого вечера они проболтались во дворе, пока их не позвала возвращавшаяся с работы мать.

Это была худая, издерганная женщина. По малейшему поводу она могла прийти в сильнейшее раздражение, грубо накричать, а то и дать затрещину.

Но сегодня мать была в прекрасном расположении духа. Мало того, она выглядела не так, как обычно. Ее бледное остроносое лицо молодила и облагораживала пышная прическа. Ногти на пальцах пылали овалами ярко-красного лака. Даже походка ее изменилась. Мать шла легко и свободно, распространяя вокруг себя терпкий запах духов.

— Девочки! — позвала она непривычно ласковым голосом. — Пора домой. Поздно уже.

Подождав их у входа в подъезд, мать рассеянно спросила:

— Ну, чем занимались сегодня? Играли? Это хорошо, набирайтесь сил, отдыхайте. Скоро в школу.

Поднимаясь по лестнице, она вдруг принялась вполголоса напевать, что было совсем уж в диковину. Девчонки не преминули воспользоваться моментом.

— Мам, а мам, а ты завтра на мороженое дашь? — попросила Варя.

— И на кино, — добавила Наташа, застенчиво улыбувшись.

— Я же позавчера вам давала. Каждый день давать, что ли? Ну, хорошо, хорошо. Вот вам, получайте, — мать вынула из сумки вместе с дверным ключом большой металлический рубль. — Можете расходовать полностью.

— Ой, мамочка, ой, спасибо! — возликовала Варя. — Завтра наедемся от пуза! Да, Ната?

— Варвара, это что еще такое! — нахмурилась мать. — Что это за выражение! Некрасиво так, маленькая, — голос ее смягчился. — Сколько раз говорила, не водитесь вы с этими мальчишками. От них и не тому научишься.

Они вошли в квартиру. Из кухни выглянула с полуочищенной картошкой в руке бабушка.

— Соня, пришла! — пропела она.

— Я, я, мама. Добрый вечер. Что, за ужин взялись?

— Да вот картошку думаю сварить.

— Знаете что, давайте-ка вареников сделаем. С картошкой. Гриша ведь их так любит. Сейчас я переоденусь и помогу вам.

— Да отдыхай уж. Сама, что ли, не управлюсь.

Мать переобулась в тапочки и прошла в кухню. Вслед за ней сунулись и девчонки.

— Ох, ты! — всплеснула руками бабушка. — В прихожей-то не разглядела. Чистая принцесса. Нет уж, иди, иди, отдыхай, а то маникюр весь испортишь. Зря, что ли, деньги платила.

Мать довольно улыбнулась, отчего ее лицо сделалось еще более привлекательным.

— Ну хорошо, хорошо, — сказала она, — делайте сами. Да, кстати, Гриша-то где? Куда-нибудь вышел?

— Да нет, не был еще, — бабушка помрачнела, — на производстве, должно быть, задержался. Придет, наверно, сейчас.

Лицо матери тоже слегка помрачнело, словно по нему пробежала тучка.

— Ладно, — сказала она, — пойдем читать книжку.

— Ура! — завопила Варя. — Сказки, сказки, мама!

Она сунула ей в руку пухлую растрепанную книжку. Мать уселась на диван и стала громко, размеренно читать. Но постепенно она перешла на скороговорку, несколько раз споткнулась и, с грехом пополам dokonчив сказку, отложила книгу в сторону.

— Мам, почитай еще, — заныла Варя, — вот эту, про Морозку.

— Почитайте сами, — отрывисто сказала мать. — Скоро в школу, а вы еще ни разу книжки в руки не брали.

Она достала из своей сумочки длинную с желтым фильтром сигарету, прикурила, отошла к окну и молча стояла там, время от времени стряхивая пепел в цветочный горшок. Сунув туда же окуроч, мать вдруг резко повернулась и стала ходить по комнате. Девочки притихли. В кухне чуть слышно шебуршала бабушка.

— Нет, это черт знает что такое! — внезапно воскликнула мать. — Ради чего я старалась! В парикмахерскую ходила, — она горько усмехнулась. — Ему же на все наплевать, на детей наплевать и на вас, между прочим, тоже наплевать. Слышите, мама? Что вы там притихли? Сказать нечего?

— Дак, Соня...

— Что Соня?

— Придет, должно быть, сейчас.

— Придет! Вечно вы его защищаете!

— Куда же денется?

— Куда! У него ведь получка сегодня. Опять, наверное, с этим шаромыгой связался, с Сашкой Токарским. — О, Господи! Скоро в школу, у детей же ни обуви, ни одеть нечего. О чем только думает человек!

— Целый месяц капли в рот не брал. Не мог же снова начать. Ведь зарок дал.

— Целый! Навязал черт вас на мою голову! Ах, дура, как, помню, Иосиф уговаривал меня. Так нет же, не согласилась. И ради кого? Ради какого-то забулдыги!

Мать остановилась, осененная какой-то новой мыслью, резко повернулась к девочкам, понуро сидевшим на диване.

— Наташа, а ну-ка сбегай к Маньке. Вдруг он туда завалился, подлец. Пусть немедленно идет домой!

— Я боюсь, мама, — сказала Наташа.

— Чего тебе бояться? Не пойду же я сама унижаться перед этой мерзавкой. Ну, кому говорят! Наталья!

Наташа поднялась и молча поплелась к двери.

В Манькиной квартире веселилась гулянка. Играла музыка, какая-то женщина громко заливисто хохотала. Наташа нажала кнопку звонка. Вмиг все утихло. Доносились лишь отдельные неясные звуки. Что-то громко стукнуло и вслед за тем раздался приглушенный сиплый голос: «Тише!» Через минуту-другую слышались шаркающие шаги. Тот же голос спросил:

— Кто там?

— Мне папу надо, — сказала Наташа.

— Какого еще папу?

— Гармашева.

Дверь распахнулась. На пороге стояла Манька, в старом, кое-как запахнутом халате. Глаза ее зло прищурились.

— Я тебе сейчас покажу папу! А ну-ка рви отсюда. Подлючка такая! Нет здесь никакого папы. Чтоб я тебя больше не видела у своих дверей.

Глотая слезы, Наташа вернулась домой. Мать стояла у окна и курила. Выслушав дочь, она снова принялась вышагивать по комнате.

— Нет, он там! Сердце мое подсказывает — там! —

Мать бросала слова резко и отрывисто. — Тебе надо было войти в квартиру. Такая большая уже, а бестолковая, как... Нет, больше такого терпеть нельзя! Завтра же обращусь в милицию. Пусть принимают к ней меры. Выселяют там или что. А этому... этому пропойце я никогда не прощу.

Из кухни выглянула бабушка.

— Соня! — робко позвала она. — Готовы вареники-то. Может, ужинать будем? Детям уже спать пора.

— Какой там ужин! — отмахнулась мать. — Вот, приготовить стараешься что повкуснее, а он поступает как последний негодяй!

Она снова закурила и пошла к окну.

Девочки наскоро похватили вареников и уже пили чай, когда в прихожей коротко звякнул звонок. Сидевшая поближе к выходу Наташа бросилась к двери. За ней выскочила и Варя. За дверью стоял отец.

Опираясь рукой о косяк, он перешагнул порог и наклонился, пытаясь обнять девочек.

— Доченьки, доченьки, — бормотал он, роясь в кармане. — Вот... гостинец вам... конфетки...

Мать вышла на середину комнаты и, скрестив руки на груди, некоторое время молчала, вперив в отца испепеляющий взгляд. В эти минуты она была похожа на актрису, подчеркнуто театрально исполняющую свою роль.

— О, Господи, за что мне такие мучения? — трагически прошептала она, воздев руки к потолку. — Я ему свою молодость отдала, всю свою красоту. А он... О, Господи!

Она встряхнула пышной прической, словно отгоняя от себя наваждение, и продолжала уже своим обычным голосом:

— Где ты был? Где ты был, я тебя спрашиваю? У этой потаскухи? Отвечай!

Вынырнувшая из кухни бабушка схватила девочек за руки и потащила за собой.

— Спать пора, детки. Спать, спать.

Она плотно притворила дверь и принялась расстилать постель. Затем на стоявшей у противоположной стены старой кровати постелила и себе.

— Баба, я с вами хочу, — попросилась Варя.

— Да, да, идите обе сюда. Я вам сейчас такую сказку расскажу!

За стеной что-то упало и разбилось. Все вздрогнули.

— Ну, поскорее, поскорее, — заторопила бабушка. — Наташа!

Укрыв девочек одеялом, она прижала к себе Варю, устроившуюся у нее под боком, и начала:

— Вот, значит, в некотором царствии, в некотором государствии жил-был...

Девочки почти не слушали сказку. Их внимание больше было привлечено к звукам, доносившимся из-за двери. Бабушка несколько усилила голос, но тут ее прервала Наташа:

— Баба, а почему папа пьет? — спросила она строгим серьезным голосом.

— Опять на бровях приполз, — задумчиво сказала Варя. — Верно ведь? Да, Ната?

— Отвяжись, — одернула ее Наташа. — Мелешь — сама не знаешь чего. Баба, ведь он такой хороший. Я его так люблю.

— Я тоже люблю, — вставила Варя.

— Я его-то не оправдываю, — со вздохом проговорила бабушка. — Не надо бы пить. От слабости это. Слабый он человек. Конечно, сложилась бы по-другому жизнь — может, и не пил бы. Да чего уж там. Спите, давайте.

Проснулись девочки поздно. Матери дома не было. Бабушка как всегда возилась в кухне. Отец с сумрачным помятым лицом сидел в гостиной на краешке стула облокотившись о колени и опустив голову.

— Натуля, Варюша, — позвал он. — Доченьки, простите меня, дурака. Не хотел я этого, да так вышло.

Лицо его искажала жалкая гримаса. Казалось, он вот-вот заплачет. Из кухни донесся певучий голос бабушки:

— Гуленки, умывайтесь да за стол. А ты, Григорий, чего там сидишь? Иди, иди давай. Я тут тебе крепенького заварила. Попьешь — все как рукой снимет.

— Ой, мама, не могу я. Что мне чай? Сходите, займите у кого-нибудь. Всего-то и нужно рублевку. Мелочь у меня есть. На фруктовку хватит.

— Боюсь я за тебя, Гриша, боюсь. Ты же не остановишься потом.

— Слово даю, мама, не буду больше. Сходите к Зубихе. Она вам всегда даст. Только не говорите, что мне на похмелье.

— Ох, Гриша, Гриша, — вздохнула бабушка. — Когда только за ум возьмешься? Меня, старуху, срамишь. Каково мне ходить за этими рублевками-то?

— Ну, уж в последний раз. Ради дня рождения. Сам бы пошел, да кто мне даст?

— А ведь можно было и получше отпраздновать. Соня-то вчера из-за тебя в парикмахерскую ходила. Ты же все испортил. Сам себе все испортил. Весь свой праздник. Правильно и сделала, что деньги забрала. Я так ее за это не осуждаю.

— Мам, ну виноват я, виноват, что же теперь делать? — отец поморщился, словно от зубной боли. — Мутит все внутри. Не могу больше.

Из ванной вышли свежие, умытые, с порозовевшими личиками девочки. Обе направились прямо к отцу, по-прежнему сидевшему в комнате на краешке стула.

— Папа, вот, возьми, — Наташа протянула ему металлический рубль.

— Где вы взяли? — удивленно — радостно спросил он.

— Мама... мама нам дала на мороженое, — сказала Варя. — Наташа говорит, мы еще потерпим... Мы не хотим сейчас. Верно ведь? Да, Ната?

— Ой, доченьки, спасибо. Я вам потом в сто раз больше куплю. Отец тяжело поднялся со стула и, ссутулившись, пошел к двери.

— Ты бы хоть побрился, ради праздника-то, — сказала бабушка.

— Схожу вот сейчас и побреюсь.

— Папа, ты только как придешь — никуда не уходи, — попросила Наташа. — Пей дома. Ладно?

Девочки на скорую руку пожевали разогретых бабушкой вареников. Наташа встала из-за стола и потянула за собой Варю.

— Пошли. Расселась, как на именинах.

— А чай? — всполошилась бабушка.

— Да мы не хотим, баба, — сказала Наташа.

— Куда же вы? Хоть бы сегодня посидели дома. Ведь у отца же, как-никак, день рождения. Что же его одного-то оставлять. Мать вон ушла. И вы собираетесь.

— Да мы сейчас вернемся, баба, — сказала Варя. — Мы быстренько. Истина хрест, быстренько.

— Ох, ты, шалунья, — бабушка провела своей сухонькой коричневой ладонью по кудряшкам внучки. — Далеко ли хоть идете-то?

— Да так, в одно место, — уклончиво ответила Наташа. — Мы скоро, баба, не беспокойтесь.

— А деньги, — шепотом спросила Варя.

— Вот они уже где, — Наташа похлопала рукой по вздувшемуся карманчику, пришпиленному булавкой.

— Пошли.

Когда девочки вернулись домой, отец сидел в кухне, выбритый, с двумя большими свежими порезами, на щеке и на шее. На нем была чистая рубашка, отутюженные брюки. На лице не осталось и признаков утренней сумрачности. Разгладились морщины, ожили и потеплели глаза.

На столе перед отцом стоял пустой стакан с красными потеками по краям и тарелка с остывшими варениками. С другого конца примостилась бабушка, прихлебывавшая из кружки чай.

Запахавшаяся ликующая Варя, обогнав в прихожей сестру, подскочила к отцу.

— Папа! Папа, закрой глаза!

— А рот открыть? — отец благодушно улыбнулся.

— Нет, не надо. Просто закрой глаза и все.

— Ну, закрыл. А теперь что?

— А теперь открой.

На столе перед отцом лежала аккуратная квадратная коробочка.

— Что это? — удивился он.

— Поздравляем тебя, папочка, с днем рождения! — вразнобой произнесли девочки. — Это тебе наш подарок.

Отец открыл коробочку.

— Часы? — еще более удивился он. — Где вы их взяли?

— Купили, — сказала Наташа.

— А тетенька, ну, которая продавщица, не хотела нам продавать, — захлебываясь от восторга, зачастила Варя. — Говорит, мы маленькие, нам нельзя. Где вы, говорит, взяли деньги? А потом продала. И еще печать на бумажку поставила. Чтобы отремонтировать.

— А, в самом деле, где вы взяли эти деньги? — испуганно спросила бабушка.

— Накопили, — похвалилась Наташа.

— С чего же это вы могли накопить столько? Ведь они, поди, не рубль стоят.

— Ну, нам же давали на кино, на мороженое. А мы копили.

— И столько накопили?

— Бутылки еще сдавали, — ляпнула Варя.

— Бутылки? — ужаснулась бабушка. — Где вы их брали?

— Собирали по разным местам.

— Собирали? Да это ведь зазорно. Это же пьяницы только собирают. Ох, ты, Господи...

— Ладно, мама, не шумите на них, — вмешался отец. — Это такой дорогой для меня подарок, что... вовек не забуду. Спасибо, мои родные, доченьки мои, — голос его задрожал, он обнял девочек, прижал к себе и стал целовать, касаясь их лиц мокрыми щеками — уж я для вас, я для вас тоже все сделаю. Верьте вашему папке. Никогда больше не буду пить. Сегодня в последний раз. Только ради дня рождения. Мама, дайте-ка там остатки. Не могу больше. Так расстроился.

— Ой, смотри, Гриша. Не надо бы, пожалуй, — сказала бабушка, подавая бутылку.

— Ничего, ничего, — пробормотал отец, вытирая тыльной стороной ладони слезы.

Взяв бутылку, он вытряхнул из нее все до последней капли. Посмотрел затуманенным взглядом на стакан и поднес его ко рту.

— За ваш, мама, подарок и за ваш, дочки. Я никогда этого не забуду. Ни-ког-да!

— Пей на здоровье, — сказала бабушка.

— А вы, баба, какой подарок подарили? — спросила Варя.

— Носки связала теплые. Будет зимой носить, да меня добрым словом поминать.

— А мы так часы! Такие же, как у папы были, ну, которые украли. Без часов-то плохо взрослому человеку. Верно ведь? Да, баба?

— Кто к ним привык — дак оно, известное дело, плохо. Молодцы, ну прямо молодцы. Ничего тут не скажешь. Только больше, ради Бога, не собирайте вы эти бутылки. Нехорошо это. Кто узнает, так срамить будет.

— Не, больше мы не будем. Мы уже обещали. Верно, ведь? Да, Ната? На нас Ванька Цё за бутылки нападал.

— Мама, вы все-таки сходите к Зубихе, — прервал их отец. — Попросите трояк. Или лучше пятерку. Детям надо на мороженое дать. И пусть в кино сходят, погуляют.

— Девочки обойдутся, а ты, Гриша, и так хорош, — сказала бабушка. — Иди-ка лучше ляг да отдохни.

— Ради дня рождения. Ну что вам стоит? Должен же я отпраздновать по-человечески или нет! В конце-то концов!

— И не проси, и не шуми на меня! Никуда я не пойду. Жена придет — опять скандал подымет. А мне эти скандалы хуже всего надоели.

— Мама...

— Нет, нет и нет. Вот поспи немного, а вечером с женой помиришься, да вместе и отпразднуете. Пойдем-ка, пойдем, сынок. Я и сама чуток сосну.

— Баба, а мама скоро придет? — спросила Наташа.

— Я и сама не знаю. Куда ушла и надолго ли — не сказалась.

— Ну, мы гулять пойдем.

— Идите, да по дорогам только не шастайте.

Мать вернулась к вечеру. Лицо ее было холодным и злым. Увидев во дворе дочерей, она прикрикнула:

— А ну, марш домой! Только и знаете, что бегать, никакой заботы больше нет.

Ткнув пальцем в кнопку звонка, мать не опускала ее до тех пор, пока дверь не отворилась. Стремительно шагнув через порог, она чуть не налетела на бабушку, испуганно отшатнувшуюся к стене.

— Что вы, как неживая? — буркнула она, пролетая в гостиную, — сколько же можно ждать!

— Дак у тебя же свой ключ, — пролепетала бабушка.

— Дак, дак! А где этот алкоголик несчастный? Дрыхнет, небось? Что вы молчите? Я вас спрашиваю!

— Ушел Гриша, — заторопилась бабушка. — Соснула я маленько и не заметила, как ушел. Придет, должно быть, скоро. Куда денется.

— Куда денется! Пусть лучше не приходит! Я его пьяного на порог не пущу! Так и знайте!

— Ох, ты, Господи, — вздохнула бабушка. — А вы, внученьки, не видали его?

Девочки молча помотали головами.

— Знать бы где — дак поискать можно было.

— Я сейчас сбегая, поищу, — сказала Наташа.

— И я! — вскинулась Варя.

— Ты сиди, я бегом побегу.

— Я вот вам побегу! — крикнула мать. — Беритесь за книжки и — никуда ни шагу! Совсем от рук отбились. Погодите, с этого дня я за вас возьмусь.

— Пойдем, — шепнула Варя, — а то драться будет. Почитаешь мне сказки. Ладно?

Девочки прошли в свою комнату, уселись на кровать, и Наташа, раскрыв наугад книжку, принялась вполголо-

са читать об удивительных приключениях Емели-дурака, поймавшего в проруби волшебную щуку. Из гостиной до них доносились нервные шаги матери и запах сигаретного дыма. Потом шаги удалились в сторону кухни и там за-тихли.

— Надоело уже про этого Емелю, — прошептала Варя. — Погулять бы.

В этот момент в прихожей раздался звонок. Девочки вскочили и бросились было к двери, но тут же вернулись, остановленные грозным окликом матери:

— Без вас откроют!

Сама она, ткнув в цветочный горшок продолжавший вонюче дымиться окуроч, встала в центре комнаты, скрестив на груди руки. Взгляд ее водянисто-голубых глаз, устремленных в прихожую, был полон холодного презрения.

Из кухни выскочила бабушка.

— Я же говорила, скоро придет, — бросила она торжествующе матери и засеменила к двери.

Девочки напрягли слух.

— Разрешите? — донесся до них хрипловатый голос. — Здравствуйте, Гармашевы здесь живут?

— Здесь. А вам кого? — растеряннo спросила бабушка.

— Нам хотелось бы поговорить с Софьей Александровной и...

— И Григорием Васильевичем, — добавил молодой женский голос.

— Гриши нету дома, — сказала бабушка. — А хозяйка — вот она. Проходите.

— Федор Викторович, — в страхе прошептала Варя, прижимаясь к Наташе. — И еще кто-то.

— Наша училка.

— Пришла беда — отворяй ворота. Да, Ната?

— Заткнись, — прошипела Наташа.

Федор Викторович, пройдя в гостиную, огляделся, приветливо улыбнулся девочкам и с достоинством произнес, обращаясь к матери:

— Здравствуйте, разрешите представиться: я из комиссии по делам несовершеннолетних. Фамилия моя — Гриншпун. Можете звать меня Федором Викторовичем. Ну, а с Верой Ивановной вы, конечно, знакомы?

— Да, да, конечно. Садитесь. Пожалуйста. — Мать побледнела, говорила торопливо и сбивчиво. — Что они

могли такого натворить? Знаете, я целыми днями на работе, муж пьет, а свекровь совсем их распустила. Совсем за ними не следит. У, идиотки! Не хватало еще, чтобы из-за вас милиция приходила.

— Успокойтесь, да успокойтесь же, Софья Александровна, — остановил ее Федор Викторович. — Знаете, нам хотелось бы поговорить с вами наедине, без девочек. Можно это?

— Да, да, конечно, — мать бросила на дочерей злощавый взгляд. — Ну, сегодня вы у меня получите. Марш в свою комнату!

— Зачем же так, Софья Александровна? — Федор Викторович осуждающе покачал своей большой белой головой. — Ничего страшного, собственно, не случилось. Мы пришли к вам, чтобы... — он замолчал, провожая девочек добрыми ласковыми глазами.

— А почему нет вашей мамы? — строго спросила Вера Ивановна, — вы сами отметили, что она играет отрицательную роль в воспитании детей. Так что присутствие ее необходимо.

— Я тута, тута, — бабушка высунулась из кухни, неверными шагами прошла в гостиную и смиренно встала возле Веры Ивановны, словно провинившаяся школьница.

— Садитесь, пожалуйста, не знаю, как вас звать-величать, — приветливо сказал Федор Викторович.

— Васильевой кличут. Вы не беспокойтесь, я постою.

— Гармашева, прикрой дверь, — звонко сказала Вера Ивановна. — Стыдно подслушивать.

Голоса до девочек стали доноситься неясно. Но они и так знали, о чем идет разговор. Конечно же, об этих проклятых бутылках, которые доставили им уже столько разных огорчений. Варя всхлипнула и опять прижалась к Наташе.

— Мама, наверно, драться будет, — тихо проговорила она дрожащими губами.

Наташа обняла ее худенькое теплое тельце и ничего не ответила, с томительной тоской ожидая, чем это все кончится.

Девочки вконец извелись, когда вдруг дверь отворилась, и мать позвала их в гостиную.

— Мамочка, прости, я больше не буду, — пролепетала Варя, по щекам ее покатились слезы.

— Чего ты не будешь? — сухо спросила мать.

— Не буду больше... бутылки...

— А кто тебе что говорит?

Федор Викторович пристально посмотрел на мать, затем перевел взгляд на девочек.

— Не бойтесь, все хорошо будет, — он встал со стула, присел перед Варей на корточки и, достав из нагрудного кармана носовой платок, вытер ей слезы, — я к вам еще зайду. Посмотрю, как вы живете. Ну, а теперь до свидания. Пора нам домой.

— Чайку бы испили, — жалобно сказала бабушка. — Я сейчас...

— Спасибо, что пришли, — перебила ее мать. — А с мужем я поговорю по-серьезному. Не может как все люди — пусть лечится.

Федор Викторович поднялся с корточек, затем снова присел и привлек девочек к себе.

— Молодцы вы все-таки, честное слово, молодцы, — он хотел еще что-то сказать, но в горле у него в этот момент что-то запершило, голос осекся, и он, кивнув на прощание головой, поспешно подался к двери.

Вслед за Федором Викторовичем пошла и Вера Ивановна.

— А хвалить-то их, пожалуй, не следовало, — сказала она вполголоса. — В данном случае это, мне кажется, непедагогично.

Федор Викторович что-то невнятно прохрипел и махнул рукой.

— Заходите, всегда рады будем, — льстиво улыбнувшись, сказала мать.

Она постояла некоторое время, прислушиваясь к удаляющимся шагам, и вернулась в гостиную.

— Что же тепереча будет? — с тревогой спросила бабушка.

— Ничего не будет, — ответила мать. — Черт их принес, не сидится дома. Я этого пенсионера-то давно знаю. Тоже учителем раньше был. Надо же, настырный какой. Рак горла, говорят, у него. На тот свет отправится, а все чего-то суетится. Доживал бы себе спокойно.

— Мальчишечку жалко, — вздохнула бабушка. — И фамилия-то у него такая жалостливая — Сироткин. Ваня да еще Сироткин. Что это за спецшкола, куда его прочат?

— Вы бы лучше девочек пожалели. Если бы не этот Федор Викторович — он бы там их изувечил.

— Кабы Гришу нашего, куда не прибрали.

— А по Грише вашему давно профилакторий скучает. Не слышали, что ли, что этот пенсионер говорил? Вот погодите, они за него еще возьмутся.

— Что ты, Соня, этак на мужа-то?

— Ладно, не мешайте мне с детьми поговорить, — мать повернулась к девочкам. — Наталья, как получилось, что вы утаили от меня такие большие деньги? Это ведь все равно, что украли! Что молчите? Надо было отдать эти деньги мне. Вам в школу не в чем идти. О себе нужно было подумать, а не об этом...

— Соня, — простонала из-за спины матери бабушка, — не надо так.

— ... а не об этом алкоголике! — жестко закончила мать. — И вообще, дети не должны делать такие дорогие подарки. Нарисовали бы ему что-нибудь или... ну купили бы что-нибудь подешевле. А то — часы! А почему, спрашивается, часы?

— Дак у него же украли, — сказала бабушка.

— Я не вас спрашиваю! — отрезала мать. — Почему именно часы, Наталья?

— Когда у него их украли, папа столько переживал, — пробормотала Наташа.

— А ты точно знаешь, что украли? А вдруг он пропил их? На бутылку сменял? Кстати, а где эти часы? Которые вы подарили?

— Я уж смотрела, — со стоном сказала бабушка. — Знать, с собой взял.

— С собой! Идиотки несчастные! На него же сейчас совсем нельзя положиться!

— Неправда, папа не пропивал часы, — сказала Наташа. — Он же говорил, что украли — значит, украли.

— Ты еще защищаешь его! — мать замахнулась рукой. — Так бы и треснула сейчас! Выбросить на ветер такие деньги! Вам этот подарок дорого обойдется. Поверьте моим словам. Уж на мороженое да на кино вы теперь не скоро получите.

Она закурила, но, затаившись два-три раза, с отвращением сунула сигарету в цветок и, закрыв лицо ладонями, с рыданиями бросилась в спальню. Бабушка, уже успевшая забраться в свою кухню, выскочила оттуда со стаканом воды.

— Оставьте меня в покое! — взвизгнула мать. — Ироды! Повеситься от такой жизни!

Бабушка вышла из спальни и снова проковыляла в

кухню. Ее маленькая сухонькая фигурка еще больше сгорбилась. На желтом морщинистом лице было написано страдание. Она села на табурет и глядя в синее окно, молча шевелила бескровными губами, о чем-то разговаривая сама с собой. Этот разговор, видимо, настолько обессилил ее, что бабушка даже не сразу смогла встать, услышав новый звонок. Мимо кухни проскочили девчонки. Варя, отпихнув Наташу, отвернула задвижку замка и широко распахнула дверь. У порога стояла Надя Зубиха. Правой рукой она прижимала к своему толстому боку их отца, бессильно опустившего голову и что-то бессвязно бормотавшего.

— Прймайте свою папочку, — сказала тетя Надя мужским голосом, — а говорили, бросил, мол. Мой-то Викентий Никитович тоже вот так бросал, пока совсем не спекся. Давай, ступай, ступай, Григорий.

Она втащила отца в прихожую и прислонила к стене.

— А изгваздался-то как! На ночь остался бы, кабы не я. Простуду мог схватить. Там, возле сараев-то, земля сырая.

Ноги у отца стали подгибаться, и он сполз по стене на пол, продолжая что-то бормотать.

— Доченьки, — разобрала Наташа, — родненькие мои... пломбирчики вот гостинцы вам...

Отец выпростал из кармана пиджака руку. На грязной ладони лежали скомканные липкие обертки из-под мороженого, меж пальцев просачивались и падали на пол мутные капли.

В прихожую вышла бабушка. Выражение ее глаз было такое, как будто она горько плакала. Однако слез не было.

— Прймай, Васильевна, сына дорогого, — загудела тетя Надя. — И где так набрался? Ко мне приходил просить пятерку, так я не дала. Знала, на что ему нужно. Часы, говорил, в залог оставлю. Все равно не дала. Никак часы-то он и пропил. Ну-ка, Наташка, посмотри-ка, на руке ли они. На левой смотри.

Наташа посмотрела, отвернувшись к стене и навзрыд заплакала. Глядя на нее, заревела и Варюха.

1975 г.

Илья Липин

Родился в 1942 году в Облучье. После семилетки пошел работать. Был киномехаником, строил Амурск, работал помощником машиниста электростанции, шоферил. После армии служил в милиции Новосибирска. С 1968 года штатный работник редакции «Искра Хингана» г. Облучье.

Окончил вечернюю школу, затем Хабаровскую высшую партийную школу, работал в газетах Охотска и Тернея. С 1980 по 2003 год был главным редактором газеты «Амур-

ская нива». Сейчас на пенсии.

Первая заметка опубликована в краевой газете в 1954 году. Первая Почетная грамота за литературные труды вручена в 1957 году. С 1970 года член Союза журналистов, делегат первого съезда Союза журналистов России. Печатался с очерками и рассказами в областных, краевых и центральных изданиях.

Живет в Ленинском.

ЗОЛОТО

(рассказ)

Красавец изюбрь неторопливо щипал пожухлую траву, на краю поляны, бил копытами подмерзшую землю. Припоздавшая осень уже успела однажды засыпать все кругом снежком, да солнце победило, белое покрывало сошло... И теперь природа стыла в ожидании второго снегопада.

В дубняке раздался треск. Изюбрь поднял голову, насторожился, приготовился к прыжку. И тут грянул выстрел. Рогатый красавец медленно опустился на передние ноги, затем запрокинулся набок. Из перелеска торопливо выскочили двое. Впереди низковатый Синюхин, вытаски-

вая из-за голенища нож. За ним, наперевес винтовку, есаул Ростовцев. Они перебежали к туше, подождали, пока прекратятся последние судороги, затем Синюхин привычным движением рассек горло животного, спуская дымившуюся кровь на мерзлую землю. Оба сели на тушу.

— Смотри, какого красавца уложил, — хвастливо сказал Ростовцев. — И с первого выстрела.

— Так расстояние-то совсем рядом. Да еще с такого «винта». Как не уложить.

— Теперь мяса хватит.

— Даже лишнее будет. Идти-то осталось километров пятьдесят, не более. Вот с той сопочки, — Синюхин показал на юг, — уже Амур виден.

— Значит так, сейчас разделаем тушу, перекусим, отдохнем и в путь.

До этой поляны шли они долго. Дней двадцать шатались по тайге есаул Ростовцев и ездовой Синюхин. Еще в середине осени доверили есаулу свезти в штаб награбленное золото. Дали лошадь с ездовым, да двух сопровождающих. В первую же ночь Ростовцев бесшумно убрал своих спутников. Занес было кинжал над спящим Синюхиным, да увидел его испуганные глаза, услышал жалостливый голос:

— Сжался, ваше благородие. Пригожусь я тебе. Тайгу, как мать родную знаю. Выведу куда надо.

Рука есаула замерла. Действительно. По дороге им ходу нет — свои засекут. И к красным нельзя подаваться. Много греха на душе у Ростовцева. Да и куда с золотишком-то к большевикам. И понял есаул, что не выйти ему из тайги без Синюхина. А собрался он в Благовещенск или, в лучшем случае, в Китай, где вольготно жилось в те времена бежавшим из России.

Полностью тушу разделявать не стали. Вырезали сердце и печень, отхватили по большому куску мякоти, да немного грудинки. Синюхин разжег бездымный костер, наварил мяса, соорудил шашлыки, вскипятил чай. Глядя на него, Ростовцев думал, что действительно, трудно бы ему пришлось без такого спутника. Синюхин безошибочно угадывал дорогу, прекрасно охотился, умел поймать рыбу в горных ручьях. Даже когда есаул сорвался с бревна и угодил в воду, потом простудился, ездовой выходил его отваром каких-то трав, настоем лимонника.

Но, все-таки, Ростовцев не доверял своему спутнику. При подходе к границе он все чаще ловил на себе хищный взгляд. И ложась спать, неизменно клал котомку с золотом под голову, а под рукой всегда была винтовка.

В полдень стало теплее. После сытного обеда разморило, потянуло на сон. Синюхин аккуратно сложил подмерзшее мясо в свою котомку. У есаула и так есть груз. Золота было чуть больше пуда.

— Давай-ка, чайку сварганим на дорожку, — предложил Синюхин.

— Я не против, — ответил есаул. — Ты пока кипяти, а я поищу лимонника. Что-то опять в груди колет.

Лимонник рос недалеко от поляны. Крупные лианы взбирались до самого верха кустарников и деревьев, сочные красные кисти ярко рдели на фоне осенней тайги. Но не за целебной ягодой пришел сюда Ростовцев. Он решил избавиться от спутника. Знал, что сейчас один сумеет дойти до Амура. А золотишко одному пригодится больше, чем двоим.

Ростовцев прислонился к толстому дереву, поднял винтовку. Вскоре сквозь прорезь прицела увидел согнувшуюся к котелку спину Синюхина. Подвел мушку и плавно нажал на спусковой крючок. Рука у Ростовцева была опытная в этих делах.

Выстрела Синюхин не услышал. Почувствовал, будто кто-то саданул под левую лопатку кувалдой. Он разогнулся, хотел встать на ноги, но не смог. Так и упал навзничь.

Есаул торопливо подошел, перекрестился, хотя давно уже в Бога не верил, оттащил труп в сторону, забросал ветками. Потом переложил из котомки ездового в свою немного мяса, собрался в путь. Перед дорогой решил попить чаю, успокоиться. Отхлебнул глоток, другой. И тут в животе словно острая пружина распрямилась. Он скорчился, упал прямо в костер. Лицо и руки не чувствовали ожогов. Все заглушала сильная боль.

— Отравил, сволочь, — прохрипел Ростовцев.

На губах показалась кровавая пена, он дернулся и затих. Не знал есаул, что Синюхин уже давно держал в рюкзаке травку для такого случая.

Костер сильно задымил, остро запахло жареным мясом, через полчаса в осеннем полумраке исчезли последние струйки дыма.

ЖИВАЯ ВОДА

(новелла)

Дядя Кузя вернулся с фронта без ноги. Еще шли через станцию составы с новобранцами, приходили похоронки в маленький поселок, еще в школе ученики вместе с учителями срывались с уроков, спеша к единственному, похожему на большую черную тарелку, репродуктору, чтобы послушать очередную сводку Совинформбюро о боях под Сталинградом, а для дяди Кузи война закончилась. Стуча костылями он поднялся на высокое крыльцо, прикрикнул на завывших в голос жену и трех дочерей:

— Ну, чего реветь-то? Живой пришел. Радоваться надо...

Больше всех обрадовался возвращению солдата девятилетний Ленька. Он жил по соседству, сверстников рядом не было, и он частенько заходил к Дранцовым и говорил с дядей Кузей о войне. Первое время, пока фронтовик неумело вытесывал деревяшку, приспособливая ее к культе, потом, когда женщины стали приносить ему для подшивки валенки и другую обувь для ремонта, Ленька помогал дяде Кузе и всегда с интересом слушал о войне. Он чувствовал себя своим в этом доме, знал, что хозяин больше с ним любит поговорить, чем со своими девчонками. Они что, только куклы на уме. А Ленька давно уже тайне от бабки сушил сухари, собираясь при наступлении тепла удрать на фронт.

— А как вас ранило? — спросил в один из вечеров Ленька.

— Можно сказать по глупости, — задумавшись, ответил дядя Кузя. — Сколько раз бывал в таких переделках — вспомнить страшно. И хоть бы что. А тут задержались мы в одной деревеньке. С полмесяца стояли. С питанием неважно было. Шел я как-то из штаба, он в другой деревне был, наткнулся на неубранное картофельное поле. Обрадовался, нарыл клубней на взвод. На второй день опять туда отправился. Узнали о моей плантации солдаты из других рот. Дня через три на поле уже больше сотни ребят было. А немцы каким-то образом разнюхали это дело и накрыли нас из минометов. Много солдат полегло, убежать-то некуда. До сих пор вину свою чувствую. Сам-то уже в госпитале очнулся. Восемь осколков из тела извлекли, и нога моя на том поле осталась. Вот так, брат Ленька, и отвоевался я.

Ленька видел шрамы на сильном теле дяди Кузи. В баню они ходили вместе, и Леньке всегда было жутко смотреть на розовую культю и синие рубцы на спине.

Завьюжил, заметелил февраль. Занятия в школе отменили на три дня, и Ленька целыми днями пропадал у Дранцовых. Здесь было всегда тепло, пахло дегтем и варом, которым дядя Кузя смолил дратву. Только вот сам хозяин занемог. Он почти не спускался с высоких нар, часто курил самокрутку, подолгу надрывно кашлял, пока Ленька не подносил ему кружку с горячим чаем.

— Совсем плохо стало, брат, — смущаясь и пытаясь улыбнуться, говорил дядя Кузя. — Ну, ничего, скоро весна. Оклемаюсь.

В один из таких дней почтальон принес повестку. Дядю Кузю пригласили 23 февраля в военкомат для вручения ордена.

— А я и забывать стал, — сказал дядя Кузя, — говорил мне командир роты в прошлом году, что к ордену представил, а вручить на фронте не успели. Подправить бы здоровьишко, да сходить.

Но здоровье не улучшалось. И тогда Ленька решил идти за живой водой. Знал он, что в километрах трех от поселка, в распадке Золотом, где старое заброшенное кладбище, бьет ключ. Воду ту считали целебной. Удивительное было у нее свойство. Чистая, холодная в любую жару, стояла дома месяцами и не портилась, не мутнела, не покрывалась зеленоватым налетом, как вода из колодца или речки. Старухи всегда запасали эту воду впрок, а бабка Ростовчиха даже употребляла при заговорах от разных болезней.

Трудно было идти сквозь метель. Но Ленька упрямо шел против ветра, оставляя в сугробах глубокие следы, которые снег тут же затягивал. Порывами спрессованного воздуха подхватывало бидон, он старался вырваться и укатиться в белую круговерть.

Родничок показался часа через полтора. Вода была по-прежнему чистой, лишь по краинам небольшой полыньи блестели льдинки-хрусталики. Кажется, дотронься до них, и зазвенят они на разные голоса.

Ленька присел под ольху, привалился к толстому стволу, отдохнул. Потом неспеша набрал воды, отпил немного, нахлобучил потеснее шапку и отправился в обратный путь.

Дядя Кузя обрадовался приходу Леньки:

— Где это ты пропадал так долго?

— Я вам живой воды принес.

— Неужели в такую пургу в Золотой ходил? Ну, спасибо, брат. Теперь я обязательно поднимусь.

Дядя Кузя бидон принял бережно, тут же отпил несколько глотков.

— Сразу полегчало, — сказал он, улыбнувшись через силу. — Погоди. Вот скоро мне протез пришлют, тогда и в пляс можно.

То ли действительно полегчало дяде Кузе, то ли очень уж ему хотелось получить орден, только с утра 23 февраля он стал собираться. Нарядился в военную форму, пристегнул деревяшку к культе, постоял у старенького, облупившегося зеркала. Жена пробовала отговорить:

— Куда ты в такую погоду? Совсем сляжешь.

— Что ты, Любушка, не каждый день ордена дают. Ты бы лучше мне на чекушку выделила.

— Чего уж на чекушку. Я давеча была в магазине, принесла. Соседей хоть позовем.

Вечером в избе Дранцовых было накурено, подхмелевшие женщины заставили снять орден с гимнастерки. Ощупывали его, в который раз слушали рассказ дяди Кузи о том, как ему вручали награду, бросая завистливые взгляды на хозяйку дома.

После этого дня дядя Кузя слег основательно, да так больше и не поднялся. Через три дня он умер. Ленька почти все время плакал, боялся заходить в избу к соседям, и лишь когда повезли дядю Кузю на кладбище, пошел следом за саями.

...Через неделю в большой посылке пришел протез, и тетя Люба долго плакала, вспоминая мужа, и не зная, что делать с этой штуковиной.

Ленька во всем винил себя, сильно переживал — почему не сходил за живой водой для дяди Кузи пораньше. И став уже взрослым, сам обзаведясь детьми, многое повидав и пережив, иногда видит во сне одноногого солдата, просыпается с мокрыми глазами, встает, курит и все жалеет: эх, сразу бы сходить тогда за живой водой...

Верочка-дурочка

На станции Облучье на железнодорожных путях стоял столбик с табличкой «8222». Столько километров было до Москвы. Шла война. Через нашу станцию катились на

запад поезда, груженные военной техникой. В теплушках — солдаты. Назад составы шли, с подбитыми немецкими танками, орудиями, вездеходами, останками разбитых самолетов со свастикой на крыльях. Их везли на переправу. Были в этих обратных эшелонах и вагоны с эвакуированными, с теми, кому пришлось оставить родные края, оказавшиеся под немцем, искать приют в тылу страны.

Рады были переселенцы крыше над головой, краюхе хлеба да картошке в мундире. Устраивались на новых местах, шли работать и подолгу взглядом провожали солдатские эшелоны и ждали вестей от своих родных и близких, которые остались там, на западе.

Несколько семей переселенцев летом 1943 года прибыло и на нашу станцию. Соседями у нас стали Петрунины — мать и две дочери. Старшей, Вале, было около десяти лет, младшей, Вере, шесть. Если старшая скоро с нами перезнакомилась, вместе с матерью ходила работать в пекарню, то младшую мы долго не могли понять. Она, чудная, с нами не играла, спросишь ее — не отвечает. Уставится в одну точку своими голубыми глазами и молчит. Только потом, случайно подслушав разговор матери с вновь прибывшей соседкой, я понял, в чем дело.

...Петрунины были в местах, где шли бои. Не знаю точно, как уж там получилось, но Вера увидела сгоревшего в танке отца. С тех пор и лишилась младшенькая рассудка.

— Кончится война проклятая, свожу ее к докторам, — вздыхала соседка. — К бабкам уже все тропки узнала, не помогает.

После мая 1945 года стали возвращаться домой солдаты. Полегче стало жить. Женщины вытаскивали довоенные наряды, прихорашивались. Не стало двенадцатичасовых смен, и Верина мать, отпросившись у заведующего, заняв немного денег, повезла дочь в город.

Врачи помочь не смогли. Так и остался у Веры разум шестилетнего ребенка. В школу ее пытались определить, но дальше десятка букв, что знала еще раньше, дело не шло. Находилось ей занятие лишь по хозяйству. В то время Петрунины уже имели свой домик, огород, живность кое-какую. Вот и хлопотала Вера по дому. Видели мы ее в очередях за хлебом и мукою.

Шли годы. Становилась прошлым война. Вера подросла, расцвела. Красивой стала. Большущие голубые глаза, коса толстая, чуть не до пояса. Вздыхали женщины, глядя на младшую Петрунину. Пустая, мол, красота, жалко

девчонку. Заезжие парни, увидев Веру, изумленно останавливались, а попробовав заговорить, тут же отходили.

Вера разумом все еще была в детстве. Плела венки из желтых головок одуванчика, с ребяташками лезла на мелководье купаться, гонялась за бабочками и кузнечиками. Только от пацанов ей отбоя не было. Увидят ее на улице, давай дразнить — Верочка-дурочка. Особенно доставалось Вере от семилетних близнецов Матуниных.

Так и жила Вера под солнечным мирным небом, неся нелегкое бремя минувшей войны. Имя ее стало нарицательным. Чуть что не так скажешь, сразу в ответ — ну, ты, мол, рассуждаешь, как Вера Петрунина.

...Пожар случился в полдень, когда хозяйки ушли на обеденную дойку коров. Полыхнула изба Матуниных, загорелась как-то сразу вся. Первыми к пожару сбежались ребяташки. Они остановились испуганные у пылающей избы, не зная, что делать. А сквозь треск горевших бревен резал уши детский плач. Первой опомнилась Вера. Она рванулась к двери с криком: «Папа, подожди, я спасу тебя, папочка!»

Подбежавшие взрослые стали лихорадочно носить воду, пытаясь залить пламя. Кто-то выбил окно, огонь полыхнул еще сильнее. Вера успела выскочить. На ее руках, крепко обхватив шею спасительницы, сидел Витька Матунин. Он ничего не понимал от страха, не мог вымолвить ни слова.

Вера рванулась снова в огонь. Задержать ее не смогли. Опомнившийся Витька, заикаясь, пробормотал:

— Я нечаянно керосин из лампы вылил... Сашка за хлебом ушел...

Вера же искала в пламени второго близнеца, да и задохнулась от дыма. Платье ее прогорело в нескольких местах, а коса стала немного короче...

Хоронили Веру всем поселком, провожали в последний путь со всеми почестями. И даже мальчишки, которые обычно задевали Веру «дразнилками», шли по обочине вслед за процессией необычно молчаливые. Над ее могилой установилиobelisk с красной звездой, на котором написали: «Вере Петруниной, хорошему человеку».

Святое письмо, или самый «счастливый» день

— Куда это ты спозаранку, Нил Нилыч? — окликнул соседа Иван Васильевич.

— Спешу на почту. Письма сдать надо. — Нил Нилыч показал несколько конвертов.

— Ого, да ты никак сразу всем родственникам отписал.

— Нет, святое письмо получил, вот и корпел два дня, переписывал.

— Так это твое послание вчера мне принесли. А я то думаю — почерк знакомый. Еле разобрал каракули.

— Может и мое. Вчерась я тоже три штуки отправил, — подтвердил сосед.

— И не жалко тебе денег на конверты. Лучше бы сыну или дочери написал.

— Чего жалеть то, — в сердцах сказал Нил Нилыч. — Ведь в письме как сказано. Не разошлешь девять копий, получишь на третьей неделе неизлечимую болезнь. А разошлешь — на тридцать шестой день счастье большое придет. Сам-то, небось, разослал.

— Да нет. Мне пустяками заниматься некогда. Сходил я с этим письмом в одно место. — Иван Васильевич показал на небольшое строение в конце огорода.

— Что ты, бог с тобой, — залепетал Нил Нилыч. — Заболеешь скоро.

— Ну, это мы еще посмотрим, — сказал Иван Васильевич, глядя, как сосед чуть не бегом направился к почте.

Дальше события развивались так. На третьей неделе Иван Васильевич болезнь не получил. А за хорошую работу получил премию и бесплатную путевку в санаторий. Позавидовал Нил Нилыч такому повороту и стал терпеливо дожидаться своего дня.

На тридцать шестой день после отправки писем. Нил Нилыч на работу не пошел. «Обойдутся сегодня и без меня, — думал он. — Сегодня счастье привалит». Он заставил жену затопить печь, настроить самогонный аппарат, чтобы к вечеру, когда станет счастливым, было чем отметить это событие. Сам напялил новый костюм и стал терпеливо ждать.

К обеду Нил Нилыч вышел во двор, где жена развешивала белье.

— Сегодня праздник, а ты за стирку, — упрекнул ее хозяин.

— Пока ты счастливым сделаешься, я все перестираю, — ответила жена.

Счастье все не приходило. Пришла свинья. И до того она была черной, что Нил Нилыч еле узнал ее. Видно до этого животное выкупалась в луже, которая у нефтебазы.

Разит от нее непонятно чем. «Теперь не отмоешь, — с тоской подумал хозяин. — Придется порошком тереть». Он в расстройстве закурил, бросил спичку. Огонь попал на свинью, она моментом вспыхнула, дико заорала, кинулась в огород, по пути сбив с ног хозяйку. Теперь стали орать обе. Свинья подбежала к стогу сена, проскочила через него. На самой пламя погасло, зато стог загорелся. Пожарники приехали через пятнадцать минут, когда от сена остался пепел. В суматохе забыли про самогонный аппарат. Вспомнили о нем, когда в доме раздался взрыв. Тут уже и участковому инспектору нашлось дело. То он глазел на то, как пожарники тушили огонь, теперь же деловито взялся за составление протокола.

Когда пожарники уехали в депо, участковый на мотоцикле укатил в сельсовет, жену со сломанной рукой увезли в больницу, Нил Нилыч зашел в комнату, глянул на себя в зеркало, ужаснулся. Новый костюм прожжен во многих местах, ремонту не подлежит. На кухне печь разворочена, весь потолок в ржавых пятнах от браги. «Вот тебе и счастье, — с тоской подумал Нил Нилыч. — Пришла пора картошку копать — жена в больнице. А надо еще корову доить, кухню приводить в порядок, скотину кормить».

Вспомнил Нил Нилыч, что жена накануне водку принесла. Залез в стол, нащупал заветную емкость, решил с расстройства выпить. Поллитровка оказалась без этикетки, только на пробке выдавлено «Комсомольский на Амуре винзавод». С уверенностью распечатал, налил стакан до краев, решил по привычке выпить залпом. После нескольких глотков понял, что пьет столовый уксус. Со злости выплеснул остатки под стол. Там оказалась кошка, которая с перепуга заскочила в сервант, навела там «порядок». От хрусталя только осколки остались. Нил Нилыч бросился на кровать и заплакал навзрыд от такого счастья.

Очнулся от стука в дверь. Пришел почтальон, протянул хозяину конверт без обратного адреса.

— Ага, опять святое письмо, — злорадно подумал Нил Нилыч. — Не носи мне больше этой гадости! — заорал он на почтальона. Потом с большим удовольствием разорвал ненавистный конверт на мелкие кусочки.

От автора: не ручаюсь за последовательность событий, но такая история вполне могла случиться. Ведь «Святые письма», или, как их еще называют, письма счастья, до сих пор гуляют по свету.

Павел МАРКОВ

Павел Яковлевич Марков родился в Биджане в 1925 году. После окончания семилетки работал в колхозе. Участвовал в войне с империалистической Японией. После войны вернулся в родное село, трудился на различных работах. Первые литературные опыты были опубликованы в районной газете «Амурская нива».

Умер в 1997 году.

ТИГР

Человек допустил ошибку, объявив льва царем всех зверей. Уссурийский тигр, особенно его амурский подвид, самый крупный из семейства кошачьих, явно превосходит своего титулованного собрата в величине, хитрости и повадках. Вес отдельных экземпляров самцов достигает 300 кг, высота в холке более метра, длина свыше 4 метров. Тигр превосходит льва и по прожорливости, съедая в течение года не менее 20-ти особей копытных животных (изюбрей, кабанов). Полосатый хищник иногда не прочь поохотиться за своим «старшим братом» — человеком.

Память местных жителей до сих пор хранит в себе несколько эпизодов неслучайной встречи лютого зверя со своим всеильным покровителем. О двух я и хочу поведать.

В те далекие времена сухопутная государственная граница между Россией и соседними азиатскими государствами была открыта. Шла приграничная торговля, обмен товарами, продуктами. Китайские, корейские крестьяне в одиночку или малыми группами в два-три человека переходили границу, временно (на сезон) находили пристанище на нашей земле, разрабатывали посевные участки, выращивали рис, опиумный мак, заготавливали деловую древесину. Однажды двое представителей корейской национальности Ли и Ким отбыли в тайгу для заготовки пиломатериала. По

прибытии на место сколотили кобылины (приспособление для продольной распиловки бревен), примкнули торцами одной стороны в наклон сопки, накатали на них кругляк, приступили к работе. В обеденный перерыв Ким занялся приготовлением пищи, Ли отправился по нужде. И... не вернулся. Старый, матерый тигр, притаившийся в ближайших зарослях, одним махом достиг жертвы, не успевшей подать голоса, схватил ее и уволок в таежные дебри.

О второй невыдуманной истории нападения хищника на людей мне рассказал старший родственник. Местный казак, бывалый охотник Егор Тимофеевич Ильин со своим племянником Ерофеем, впервые приглашенным поехать в тайгу на промысел, стали собираться к отъезду. Проверили амуницию, навьючили лошадей и рано утром отправились к дальнему зимовью.

— Паря, мы все взяли, ничего не забыли? — поинтересовался Егор.

— Кажись, чай не положили.

— Это не беда. В лес дрова не возят. Шульты в лесу навалом, она и сгодится вместо чая.

Ехали весь день. Поздно вечером достигли заблаговременно построенной охотничьей избушки.

— Паря, я затоплю печурку, а ты уделай лошадей, дай овса. Гнедку сыпни побольше — он жоркий (много и жадно ест), — приказал дядя племяннику.

Весело постукивало в печи. Быстро нагретый воздух, горячий чай, заваренный на лимоннике, разморили охотников. Сняв верхнюю одежду, оба спутника улеглись на отдых. Долго не могли заснуть. Старый охотник рассказывал интересные истории из своей нелегкой жизни.

— Дядя Гоша, чо-та Шарик скулит.

— Скулит? — встревоженно переспросил Егор. — Паря, я за последние годы стал туговат на уши. Давай скорей поднимайся. Раз собака подает голос, на дворе что-то неладно.

— Вокруг избушки кто-то ходит, слышно, как снег хрустит, — дрогнувшим голосом промолвил племянник.

— Паря, тигра ходит, — уверенным тоном произнес дядя. — Зажги лучину, и поставь на окошко, она огня боится.

— Дядя Гоша, как вы узнали, что на улице именно тигр? — не унимался Ерофей.

— Узнал по поведению Шарика. Слушай и запомни раз и навсегда. Умная собака, наподобие нашей лайки, приближение незнакомой живности, кроме тигры, опове-

щает лаем, потому как тигра для собаки — бог и царь. Появление ее собака упреждает хозяина повизгиванием, взъерошенным загривником, полуопущенным хвостом. А у трусливого пса хвост при таком деле поджимается к животу, — назидательно изрек бывалый охотник.

— Понятно, дядя Гоша, — с видом примерного ученика ответил племянник.

— Смотрите, снег с крыши посыпало.

— Вот черт ее побери, на крышу запрыгнула, лихоманка. Возьми винтовку, приоткрой дверь и выстрели вверх, может, уйдет, будь она проклята.

Действительно, после выстрела зверь снял осаду и отправился в сторону ближайшего распадка. Не спали всю ночь. Как только забрезжил рассвет, промысловики отправились к маячившей вдали невысокой сопке.

— Паря, пока будем держаться следа тигры. Может, выведет нас на табунчик кабанов, а там видно будет.

Ехали молча, каждый был занят своими мыслями. Впереди поперек направления тигриного следа лежала старая толстая лесина.

— Паря, не за этой каргой притаилась лихоманка? Слазь с коня, возьми моего Гнедка, свяжи их вместе. Приготовь сожанки (упор из двух палок для более точной стрельбы), в случае чего стреляй без промаха. Я с Шариком пойду в разведку.

Шли не спеша, зорко всматриваясь в темную полосу. С приближением к валежине, пес тихо заскулил, подавая знак опасности. «Здесь, лихоманка», — подумал охотник и взял винтовку на изготовку к стрельбе. Но вдруг, надо же такому случиться, неведь откуда взявшийся сильный порыв ветра обдал жгучей струей лицо, вызвав сильное увлажнение и без того часто слезящихся глаз Егора. В этот момент мигом выскочивший из-за укрытия свирепый хищник за два прыжка достиг цели и начал терзать несчастного охотника. Шарик, спасая хозяина, несколько раз кидался на зверя, хватая его то за хвост, то за задние лапы, но каждый раз при оскале громадных клыков, повороте страшной морды, быстро отбегал на относительно безопасное расстояние.

— Ерошка, стреляй, да в собаку не попади! — успел крикнуть отважный следопыт.

Меткий выстрел молодого охотника угодил куда надо. Пуля, пробившая сердце, уложила тигра наповал. Сей поединок оказался трагическим и для человека. От нескольких проникающих ран в области живота Егор на обратном пути к зимовью скончался.

Евгения ПАЛКИНА

Евгения Александровна Палкина родилась в селе Ленинское в 1945 году в офицерской семье. Отец военврач, впоследствии партийный работник. Семье часто приходилось переезжать. Жили в Хабаровске, в Октябрьском районе. В Ленинское вернулись в 1961 году.

Евгения Палкина закончила сельскохозяйственный техникум, затем институт и многие годы отдавала сельскому хозяйству района. Ушла на пенсию из районного управления сельского хозяйства, где работала главным бухгалтером.

Первые робкие пробы пера относятся к детской и юношеской поре.

А первые публикации появились совсем недавно в районной газете «Амурская нива».

Верность

Рано утром Евдокия, проснувшись и оглядев свое хозяйство, в очередной раз проворчала: «Как вы все надоели, все просите есть...». А кот по кличке Граф, по ее мнению, вообще обнаглел: сутками сидит дома, во всех углах вонь. А зимой в духовке теплой валяется без дела, изредка мяукая (подайте, мол, ему сюда невесту).

«Нет, со всеми надо окончательно разобраться!» — решила хозяйка. «Вот только Шарика оставляю, — подумала она, — он один душу ласкает, верный и надежный охранник двора».

Сказано — сделано. А тут, по счастью, и сосед забежал, занять денюжат на сигареты, едет в сторону Калинино. Евдокия тут же дала ему задание — отвезти кота и бросить там его, окаянного, так опротивел, нет мочи терпеть его выходки. Сосед долго себя не заставлял уговари-

вать, схватил красавчика под мышку, только хвост мелькнул в дверях. «Ну, а теперь и самой пора собираться, — облегченно вздохнула хозяйка, — сестру в Венцелево проведать больную, душу излить, выговориться, да и новостей накопилось...» Собрав небольшой гостинец и отвязав Шарика, охранника дома, она побежала на автовокзал.

Народу в автобус набилось полным-полно, всем надо было домой — кто из больницы, кто с покупками к школе, да мало ли какие дела в райцентре. И лишь в Биджане, высадив основную массу пассажиров, водитель неожиданно заметил собачонку, выскочившую из салона: «Откуда же она взялась? Видно, под сиденьем пряталась...». А Шарик, это был, конечно, он, не замеченный хозяйкой, потрусил куда-то по селу.

Евдокия, погостив у сестры, на утро с попуткой уехала домой. А оказавшись в родных стенах, не нашла своего верного друга. Дни проходили за днями, а Шарика все не было. «Куда же он пропал, мой бедный песик?» — горевала хозяйка. А в это время ее верный помощник метался по Биджану. Он подбегал к каждому автобусу и, как рассказывали позже водители, обнюхивал салон каждого автобуса. А обнюхав и не найдя то, что искал, выкакивал и убегал. Стоянка автобуса в Биджане продолжительна, здесь пассажирам дается возможность немного отдохнуть от долгой дороги, и это помогало Шарiku в его нелегкой задаче. Наконец, его поиски увенчались успехом: вот он, долгожданный автобус!

Собачка, вскочив в салон, притаилась в уголке. Поначалу пассажиры спрашивали друг друга, чей песик, но Шарик вел себя так тихо, что никто больше не задавал вопросов, все увлеклись своими делами и разговорами.

Приехав домой, собачка пулей полетела к родным воротам. И не было конца радости при встрече хозяйки с верным дружкой.

Прошло еще некоторое время... Вдруг в один из дней Шарик визгливо залаял. Хозяйка взглянула во двор, но никого не увидела. Между тем, собака не утихала. Весь этот переполох заставил Евдокию наконец выйти за калитку. Что же она увидела? Стоит ее котяра Граф, весь ободранный в клочья, и одного глаза уже нет... Вздохнула Евдокия: «Что ж, заходи, родимый, доживай свой копащий век, сейчас молока задам».

Кот, хромая, поднялся на крыльцо и лег — видно, больше идти у него не было сил... «Вот я и дома».

Розыгрыш

Решив проблемы в городе, два кореша-односельчанина ехали в поезде. При них, как водится, чтобы сократить дорожку, имелся необходимый запас... А как же иначе?

Первым делом попросили у проводника стаканы. Проводник — Батя, так его нарекли, — оказался очень словоохотливым, приняли его в свою компанию.

Завязался разговор про охоту, рыбалку, про места, где можно очень даже прилично отдохнуть. Оказалось, проводнику скоро «светил» отпуск. И так раззадорили его друзья своими рассказами, что он тут же решил, что придет непременно отдохнуть от городской пыли и суеты в деревню, на свежий воздух. Василий — тот, что попустушей, дал адрес, только приезжай, не пожалеешь. Алексей, его компаньон, молча наблюдал за другом.

Через некоторое время пришло письмо... Алексею. Батя писал, что отпуск, мол, свой собирается с семьей проводить в другом месте, что не жди, не приеду. Понятно, смекнул Алексей, значит, Василий дал не свой адрес. И решил он проучить вероломного друга.

Сел и написал письмо Василию, как будто от Бати: «Василий, здравствуй. Вот собрался в отпуск к тебе в гости с женой. Дети наши уехали в дом отдыха, оставили внуков, поэтому мы берем их с собой. Два мальчика и одна девочка. Правда, ребятишки хулиганистые, но у вас есть, где развернуться. Да еще возьмем с собой тещу, она престарелая, но спокойная, чтобы была на глазах. Снасти рыболовецкие все приготовил. Прихвачу собаку, хотя не охотничья, а бульдог — домашняя, никого не трогает. Так что ждите, на днях подъедем, тогда и познакомимся как следует».

Покончив с письмом, Алексей бросил его в почтовый ящик, подумав завтра провести своего друга, посмотреть, что будет.

Застал Алексей Васю с супругой аккуратно за чтением письма. Реакция оказалась как раз такой, какой он и ожидал. Рассвирепевшая Васина супруга, размахивала бумажкой: «Ты что, с ума сошел? Зачем мне твой неизвестный Батя, да еще с тещей, детьми и собакой? Куда их, на крышу, что ли, поселять?».

Василий взялся недоуменно перечитывать письмо и затем впал в глубокое уныние. Жена его, между тем, бы-

стро нашла выход из затруднительной ситуации: надо немедленно слать срочную телеграмму, что уезжаем.

Алексей наблюдал за другом и его женой, веселясь в душе. Потом ему это занятие в одиночку надоело, и он попытался объяснить супругам, что это он над ними подшутил, но никто не обращал на него внимания. Жена пулей сбегала на почту, отбила телеграмму — кажется, спаслись.

Но тут вновь заволновались: а вдруг не получит Батя телеграмму (с почтой всякое бывает), все-таки приедет, что делать? «Побегу еще одну отправлю, «молнию», на всякий случай».

Алексей, все пытался объяснить, что письмо — это шутка, но его и слушать никто не хотел. Наконец удалось вставить словечко: «Да посмотрите вы в конце концов на штемпель, я его вчера написал и отправил!»

Надо было видеть лица супругов в тот момент... Василию, наконец, стало все ясно. Теперь все вспоминали предшествующую суету и хохотали до слез.

Алексей, чтобы избежать дальнейших неприятностей, сбегал за бутылкой, распили мировую. А жена Василия долго еще не могла поверить, что это шутка, и без конца вертела конверт в руках...

Людмила Москвичева

Осмысление времени с позиции собственного жизненного опыта — вот суть стихов Людмилы Москвичевой, уроженки села Бабстово, выпускницы местного сельскохозяйственного техникума и бывшей работницы Бабстовского совхоза. Сейчас она живет у дочери в Киеве, где выпустила первый сборник «Вещие сны», но художественное слово Людмилы Викторовны адресовано, прежде всего, ее землякам, а воспоминания проникнуты тревогой, болью и гордостью за родную землю. Книжки Москвичевой, подаренные ею сельской библиотеке, пользуются у бабстовцев спросом и читательским одобрением.

Недалеко то время, когда мы будем праздновать 60-летие Великой Победы. Тема войны всегда волнует тех, кто, так или иначе, причастен к давнему лихолетию.

Зима 1944 года

Над селом темная зимняя ночь. В разрисованных сорокаградусным морозом окнах и просвета нет. На подвешенной к стене консервной банке, колыхаясь, догорает свеча, кое-как освещая своими лучами детские фигурки и скудную обстановку комнаты-кухни. Большой черный кухонный стол. На стене — самодельный шкаф-полка с посудой, пять табуретов да огромная очажная печь. В комнате сравнительно тепло, хотя печь давно прогорела, а в трубу со свистом задувает резкий холодный ветер. По обе стороны кухни есть еще две смежные комнаты. Одна большая — для взрослых. Другая детская. Большую комнату Мария закрывает на ключ, когда оставляет детей одних. Она вызывает страх у младших, так как посреди комнаты вырезано отверстие под пол. Туда сыпается кар-

тофель и все заготовки на зиму. И хотя подполье закрыто крышкой, а сверху половиками, мнимое представление о домовом и злом, беспощадном волке, которым пугали детей с раннего возраста, требуя послушания, постоянно напоминало детям об их, вроде бы, реальном присутствии. Дверь в детскую тоже была прикрыта. Здесь, в кухне, было теплее и безопаснее.

Юля сидела на столе не шевелясь, сжавшись от страха худым прозрачным тельцем. Ей было всего три с половиной года, а под полом страшно скребли мыши.

Валек — пяти лет — сидел на табурете, прижавшись к печи, а Толя — старший, первоклассник — оставался за хозяина. Он ловко орудовал кочергой в печи, доставая оттуда чугунок с горячими картофельными шкурками. Запах картофельных паров вызывал аппетит у детей. Толя поставил чугунок на стол, достал из стола сухую корочку хлеба, разломил ее на три равные части. Из кадушки, стоявшей тут же в углу, большой вилкой выудил соленый огурец, разрезал его. Придвинув два табурета, сели за ужин. Сытная пища и аромат тут же разморили детей, и через 2—3 минуты Юля уже спала, выронив ложку из рук. Толя унес ее на кровать. Чугунок с оставшимися шкурками поставил снова в печь, чтоб не остыли до утра. Вытер стол и лег рядом с малышами.

Долгая зимняя ночь прошла быстро и незаметно. Толе снился сон, как будто мама, пробираясь сквозь вьюгу и сугробы, в больших и тяжелых валенках, с огромным мешком на плечах, все падает, падает и плачет. Силы оставляют ее, она поднимается и снова падает. Мешок оттягивает ее плечи, давит вниз, и она не может вылезти из сугроба.

Толе хочется помочь ей, но она все дальше и дальше отдаляется от него. Он кричит ей, она не слышит, теряется в снежной мгле. Вдруг он неожиданно просыпается весь в слезах. Вскрикивает, горло сдавило каким-то комом. Он сильно закашлялся и, не осознавая, что это был сон — побежал к дверям, плача и крича на весь дом: «Мама, я бегу, бегу!».

От шума дети проснулись, испугались и заплакали в голос. Выскочив на улицу, Толя понял, наконец, что видел все это во сне. На дворе светало. Быстро вернулся и, глядя на плачущих ребят, упал на кровать и зарыдал сам. Тело его судорожно вздрагивало, в глазах все еще стоял образ мамы, запорошенной белой вьюгой. Юлька и

Валек, напуганные теперь слезами Толи, прижимались к нему, плакали, не зная, как и чем помочь брату, не понимая, кто мог его обидеть. Весь день мама не появлялась. Дороги засыпало снегом, под двери намело сугробы. Толя, подложив поленьев в печь, то и дело выскакивал на крыльцо посмотреть, не идет ли мама. Он чувствовал, что она действительно попала в беду, что ей нужно помочь, что сон не зря ему приснился. Он мог бы побежать, но как бросить ребят и куда бежать, он не знал. А потому метался весь день, покрикивая то на брата, то на сестру, за их шаловливость, непослушание, повторяя при этом: «Вот вылезет домовый из печи и унесет вас в трубу!». От страха дети забирались на кровать и молча сидели, прижавшись друг к другу. День показался долгим. Все изголодались, чугунок давно опустел. Хлеба не было. «Что же делать?» — думал старший брат. Чем-то надо накормить ребят. Сам-то он мог терпеть, выдержит, но Юлька с Вальком, как быть с ними? Вдруг он вспомнил, что где-то в столе мама хранила мешочек с тыквенными семечками. Он кинулся к столу, нашел мешочек, и радость охватила его:

— Есть, есть семечки, ура! — кричал Толя. — Они сытные, вкусные и сладкие!

Поздно вечером в дверь постучали. Дети обрадовались, вскочили и кинулись к двери. На пороге стояла мама, — вся в снегу, румяная от мороза. У ее ног лежал мешок с картошкой, который она несла из колхоза «22-я годовщина», находившегося в восьми километрах от села, выменяв его на свои вещи.

Картошки в мешке было три ведра. Но это казалось так много, что радости не было конца. Они теперь богатые, сытые, и зима им нипочем. А самое главное — мама жива, здорова и рядом. От маминых валенок на пороге образовалась лужица. Снег был и в валенках. Валек взял их, тяжелые, мокрые, вынес в сенцы, вытряхнул и поставил на теплую печь, которую они с братом натопили еще с утра.

Села мама у печи отогреваться. Руки ее были красные, холодные как лед. Юля залезла на печь, свесила ноги, обняла маму за шею, прижалась к ее холодной щеке, отдавая ей свое тепло.

Мальчишки, стоя на коленях у ее ног, отогревали руки, дуя на них изо всех сил. У Марии слезы навернулись на глаза, когда она глядела на детей, на их заботу, на их

самостоятельность. Она не могла дожидаться той минуты, когда снова увидит их. Ей всю дорогу, туда и обратно, казалось, что дома что-то случится. Что-то нарушит их покой, что дети заболеют от страха ночью. Могла ли она предполагать, что задержится на целые сутки из-за пурги? Дорогу на обратном пути перемело большим снегом, и пришлось ждать, пока трактором расчистят тропу. Особенно боялась она за Юльку. Она маленькая, будет плакать, мальчишки не справятся с ней. Но когда Мария увидела шелуху от семечек, поняла, что дети не голодны. Она даже удивилась, что у нее сын уже такой взрослый, догадливый, находчивый. Она сама забыла об этих семечках и, наверно, не догадалась бы использовать их в крайнем случае. Мария целовала детей, глотая слезы, а они, успокаивая, целовали ее руки. Вспомнив, что детей надо накормить, она резко вскочила, вытерла передником лицо, вымыла руки.

Сваренная в мундирах картошка, оказалась слегка подмороженной, сладковатой, но с солеными огурцами — просто неповторимой.

Запивая горячей кипяченой водой, все разогрелись, подрумянились и, опьяненные счастьем, отправились спать.

Светлана КОРОТИНА

Родилась и выросла в Ленинском. После окончания Хабаровского педагогического института четыре года преподавала иностранные языки в школах района, затем была избрана секретарем райкома комсомола.

По два года отработала в РК КПСС и библиотеке, с 1987 года по настоящее время — сотрудник районной газеты «Амурская нива».

Венская неволя

Двери вагона распахнулись, и находившихся в нем узников ослепил дневной свет. Хотя солнце уже клонилось к закату, измученным за трое суток поездки людям, привыкшим к полумраку, показалось, что на улице яркий полдень. По высоким домам, шпилям готических зданий они догадались, что находятся в большом городе. «Вена!» — донеслось откуда-то то ли испуганно, то ли восторженно. Вот так тревожно и безрадостно произошла встреча Анны Александровны Коваль с этой древней европейской столицей.

Долговязый немец в коротких штанах, с длинными лошадиными зубами — первый, кого она увидела, очутившись на чужой земле и оглядевшись вокруг. Ребята и девочки, силой увезенные из украинских деревень, чтобы стать бесплатной рабочей силой «третьего рейха», стояли вместе с ней и с ужасом наблюдали, как холеный представитель «культурной расы» кормит их соотечественников, приехавших сюда раньше. Сваренные «в мундирах» картофелины летели в толпу, и голодные люди хватали их, кто как мог: кто на лету, кто подбирал с земли...

Местом их жительства на долгие три года стали бараки за колючей проволокой, местом работы — посудная фабрика, на самом деле производившая мины. Правда, начинать снаряды русским не доверяли, это делали немцы. Основной едой их на это время стала похлебка из квашенной в бочках брюквы. Расчетливые хозяева экономили даже на соли — на поверхности этих «заготовок» по обыкновению плавали черви. На сорок душ — ведро похлебки, на шестнадцать — батон хлеба.

Привычная с детства к лишениям и невзгодам, к тяжелой работе, Анна вынесла все.

— Мама умерла, когда мне шел шестой годик, — рассказывает она.

— Батя с гражданской пришел больной и тоже долго не протянул — в сорок два года его не стало. Ходил все время с палочкой. Зимой не слезал с русской печки.

Дети, а их было пятеро, делали все сами.

— Выстроит нас батя вдоль огорода: «Це тоби грядка, це тоби грядка...», — и шли по этим грядкам не разгибаясь весь день. И для себя трудились, и людям помогали — за кусок хлеба работали. В 12 лет серпом научились жать, вручную тогда и пшеницу и жито (рожь) убрали.

В школу Аня бегала лишь осенью да весной — пока босиком можно было выдерживать. В конце учебного года приходила к учительнице, и та принимала у нее экзамен, как сейчас говорят, экстерном.

Лет в восемнадцать Анну взяли прицепщицей в колхоз, а потом отправили на курсы трактористов.

— Трактора тогда колесные были, — вспоминает она, — я из масленки смажу все детали — и блестит моя машина, как новенькая.

Это было до войны. Но вскоре наступил июнь 41-го.

— Самолеты стали летать, потом солдаты через нашу деревню идут, идут, — и сейчас не может сдержать своего волнения при этих воспоминаниях Анна Александровна. — А тут и немцы уже на мотоциклах въезжают.

Несколько раз угоняли молодежь в Германию — Ане удавалось спрятаться.

— А потом раз говорят: все, вже не будут брать, — мешая русские и украинские слова, быстро рассказывает она. — Я осталась дома, пошла на работу, — табак пасынковаты, а тут немцы нас с поля и забрали.

Загрузили в вагоны, дали по кучке морковки на каждого, на все три дня — так они оказались в Австрии.

Город Вена — большой городишко,

Город Вена — моя ж ты судьба,

Кто не видел города Вены,

Тот и горя не знал никогда,

— пели тогда ребята, оказавшиеся вместе с Анной в неволе. В город первый год не пускали, лишь на следующий стали выпускать по 10 душ с переводчиком, на прогулку. Ветер качал изможденных от каторжного труда, замученных нищенской едой молодых людей. А вокруг — богатые витрины магазинов, заполненные сырами, колбасами, невиданными дотоле сладостями.

— Пан, продай пирожочек, — украдкой от переводчика просили они продавцов. Жалели их обычно только чехи — ложечку соли насыплют потихоньку, даже денег порой не возьмут.

Когда город стали бомбить, кроме работы на заводе им прибавили обязанностей: разбирать завалы, грузить в машины погибших. Это было тяжелее, чем работа на станке.

А затем пришла свобода. Только вот что с ней делать — не знали: надзиратели уехали, и они остались в незнакомой местности без еды и средств существования. Сначала разбежались, но, поняв, что идти им некуда, вернулись в свой барак, где хотя бы той же брюквы было вдоволь. Осталось их 12 из 40 проживавших здесь: живы ли были остальные или погибли под бомбежками, никто так и не узнал. Постепенно стали продвигаться на восток, оказавшись в Мюнхене. Чтобы выжить, пришлось устроиться на временную работу к хозяину: знали, наши уже близко. А в одну из ночей их разбудили: «Русс коммен!». После этого они шли уже за нашей воинской частью, устроившись здесь на довольствие. Еще полгода после победы добирались до дома: несколько месяцев стояли на Мадьярщине (Венгрия), потом в Закарпатье. В родную деревню пришли, когда уже картошку там копали, к осени.

Зиму пережила с трудом: полмешка жита на трудодни успела заработать, да сестра кукурузы дала, чтоб не умереть с голоду. А весной ее выбрали звеньевой, 15 человек в подчинении дали. Тогда же вышла замуж, но прожила с молодым мужем недолго — пьющим оказался. Позже встретился другой, с ним они до

последнего его часа были вместе, пятерых дочерей нажили.

Большую часть своей жизни они прожили здесь, на Дальнем Востоке, в селе Калинино. А попали сюда так. В Подольянке, родном ее поселке в Хмельницкой области, дважды в неделю устраивался базар. Пришли как-то, а там на каждом столбе листовки, вербуют переселенцев. Льготы большие обещают: 10 лет без налогов (а тогда за все платили — за огород, сад, живность), бесплатную дорогу, ключи от квартиры, деньги на обзаведение хозяйством. Решились.

Здесь Анна Александровна до пенсии работала дояркой, вручную доила коров: 30 утром подоит, 30 вечером. Она показывает свои пальцы, скрюченные от тяжелой работы.

И сейчас 83-летняя Анна Александровна не сидит без дела. Хотя нога сильно болит и ходит она с палочкой, но с большим огородом справляется — выкопала картошку, любит кукурузой-великаншей, ядреными кочанами капусты, скоро их очередь подойдет. Сама скамейку во дворе сделала, печку сложила.

— Люди дивуются: ты все робишь, Александровна?

— А як же без дела сидеть! — отвечает она.

Анна Александровна не только работать, но и отдыхать умеет: песни украинские записывает — заслушаешься.

Дорогие мои родители...

Кукелево замерло в ожидании беды. «Черный ворон» неумолимо двигался из села в село, и слухи о десятках арестованных достигали каждого, заставляя примерить на себя страшную участь. Но разум отказывался верить в то, что это произойдет и с ним.

Мужики из первой бригады, работавшие в один из августовских дней 38-го в поле, заметили зловещую машину издалека. «Ну, все, за нами», — выдохнул кто-то. Но автомобиль, оставляя позади густые клубы пыли, проехал мимо. Забрали третью бригаду.

Их черед пришел ровно через сутки. Для Иннокентия Раменского с этого момента началась другая эпоха. Позади — размеренная, хотя и нелегкая, полная труда и хлопот, жизнь, впереди — страшные годы бесконечных утрат и унижений.

В деревне у него остались трое детей и беременная жена. А через полтора месяца в семье появилась еще одна девочка. Назвали ее Лидией.

Лида росла под присмотром братьев и старшей сестры, лишь по их рассказам представляя себе отца, и очень редко видела маму: она уходила чуть свет, поправив младшенькой тяжелые русые косы, так и норовившие соскользнуть с подушки, да уронив порой горячую слезу на детскую щечку, а возвращалась с работы с первыми звездами. В школе ее защитниками стали также старшие братья, проучив однажды раз и навсегда противных мальчишек из семьи херсонских приезжих, ударивших девочку и обозвавших предательницей из-за арестованного отца.

От него между тем, как и от других арестованных, не было ни слуху, ни духу. Прошло десять лет. И вот, наконец, у их дома остановился почтальон... Письмо читали всей деревней — это была первая весточка оттуда, откуда писать никому не позволялось. Читали раз, другой, третий, примостившись на залавке, пока не выучили наизусть. Не много поведал о себе Иннокентий Раменский, но главное было не это: главное — жив был их отец, не сгинул в бескрайних колымских просторах! Может, и у других появилась в тот день надежда на встречу с близкими... Мама хранила потом это письмо как бесценную реликвию. А вскоре семья радовалась еще одной весточке. Но больше всех счастлива была Лидочка — в конверте лежал подарок лично для нее. Тонюсенский платочек (чтобы не прощупали в пути) с вышитой в углу розочкой и надписью «Дорогой доченьке» — не было у Лиды за всю жизнь подарка дороже. Она не расставалась с ним ни на минуту, даже ночью кладя под подушку, чтобы он был рядом. И все же не уберегла — как-то в школе хватилась, а платочка уж нет. Можно представить, сколько горьких слез было пролито по этому поводу, как ранило детское сердечко неожиданная потеря. А через два года отец прислал уж и вовсе удивительное письмо: он звал их к себе. Предупреждал, что будет трудно, но не использовать такую возможность он не может, очень хочет увидеть жену, детей. Но решать им...

Мария Ивановна долго не колебалась: ехать! Как назвать поступок этой женщины, какой мерой оценить степень ее любви и самоотверженности? Не знаю. Но прихо-

дят на память жены декабристов, без раздумий бросившие налаженный быт и поехавшие за мужьями в Сибирь, в ссылку, чтобы делить с ними все тяготы их не обустроенной, полной тягот и лишений жизни. Нашу землячку не назовешь избалованной достатком и комфортом: Мария Ивановна на своих плечах вынесла военные годы, сберегла всех четверых детей и при этом трудилась в полную силу на колхозных полях, медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» тому подтверждение. Не легче было и в послевоенные годы. И все же к 50-му, когда она получила письмо-вызов, самое трудное было уже позади, и решение, принятое ею, было не просто мужественным поступком, это был подвиг женщины, не побоявшейся отправиться за мужем туда, откуда если и долетали какие-то весточки, то лишь полные страха и пугающих недомолвок.

Сборы были недолги: загрузили на полуторку узлы с детскими вещами (с матерью поехали двое — Володя и 12-летняя Лидочка) и двинулись на станцию. Все было в диковинку — поезд, затем самолеты, доставившие их с начала в Магадан, а потом и на место назначения — в Сеймчан. Добралась Лида до места еле живая: в маленьком грузовом самолетике трясло неимоверно, и она, не привыкшая к таким перегрузкам, с трудом перенесла дорогу.

Но молодой организм быстро взял свое: в бараке, куда их доставили лошадью с аэродрома, она уже чувствовала себя нормально. И начались волнения другого рода: Вовка, а ты папку будешь папкой звать? А я, наверное, не буду, боюсь... Она, волнуясь, выходила и смотрела на дорогу, откуда должен был появиться отец, и вот, наконец, вдали показался человек... Он бежал, останавливаясь и передыхая, чуть покачиваясь при этом, и вновь бежал, и она поняла: это он! «Мама, папка бежит!» — ворвалась Лида в дом, а сама, как испуганный зверек, забралась в укромное место, испугавшись чего-то.

Невозможно описать словами эту встречу: слезы, объятия, сбивчивый рассказ о пережитых годах. Все это было. А потом стали обживаться на новом месте: сначала в конторе освободили крохотную комнатку. А потом мама устроилась дневальной в общежитии, где им и дали «постоянное» жилье. Комнатка была такой же маленькой, взрослую половину от детской отделяла лишь ширмочка. Здесь они и прожили почти пять лет...

В школу ходили за несколько километров, через лес, зимой в 50-градусный мороз. И все же, у Лидии Иннокентьевны остались теплые воспоминания о том периоде своей жизни.

К детям в поселке относились по-особому, любили их, старались чем могли скрасить суровые условия северной жизни. Учились здесь, в основном, ребяташки из якутского колхоза да из семей охранников. Они ходили в походы, занимались спортом. Тех, кто записывался в спортивное общество «Горняк», полностью обеспечивали одеждой. Зимой — теплые костюмы и шапочки, летом — футболки, тапочки, шаровары. Лида сразу научилась кататься на коньках и на всю жизнь полюбила это занятие.

Как-то она пришла из школы и застала маму и отца плачущими. Впрочем, это еще мягко сказано — родители буквально рыдали, не в силах вымолвить ни слова... «Наверное, что-то дома случилось», — мелькнула мысль. Но причина была совсем не в этом: в тот день Иннокентий Николаевич Раменский получил известие о том, что он реабилитирован. Полностью, без всяких условий и с сохранением всего трудового стажа. Шел 1955-й год...

Теперь они могли возвращаться на родину вместе. Своим местом жительства, посоветовавшись, родители и дети выбрали Ленинское. Здесь уже Лида и окончила среднюю школу.

И лишь через много лет, когда стала приподниматься завеса секретности над тем страшным временем, она узнала, что перенес ее отец за 12 лет, прошедших до их приезда и кому он был обязан возможностью писать письма и жить вместе с семьей в последние лагерные годы.

Об этом можно было бы написать книгу, как сделал это хабаровский журналист Александр Сутурин, хороший знакомый семьи Раменских, собравший большой материал о репрессированных. Мы сумеем передать лишь малейшую частицу того, что рассказала нам Лидия Иннокентьевна, услышавшая в свое время все это от своего отца.

Судьба хранила Иннокентия Николаевича. Первый раз ему повезло, когда их еще не увезли после ареста. Машины набивали до отказа, и если кто-то не помещался, разговор был короткий: расстрелять! Об этом они слышали от других арестованных. А чтобы выстрелы не были слыш-

ны, заводился трактор. Такая же участь была уготована и им.

Но в тот день трактор почему-то не завелся. «Не смог» его завести и Иннокентий, единственный механизатор из шести, не вошедших в машину. А на следующее утро их увезли.

В Приморье заключенных грузили на пароход, забивая каждый сантиметр старой деревянной посуды. Но рядом с трапом, не выдержав перегрузки, кусок полугнилой палубы вдруг отвалился, а вместе с ним в воде оказались несколько человек. Лишние остались ждать другого судна, в том числе и Иннокентий, а переполненный пароход отчалил от берега. Они смотрели, как он отплывает все дальше и дальше, и вдруг поняли, что происходит что-то неладное. Судно накренилось и потихоньку стало уходить под воду. Случилось все в считанные минуты, спастись не удалось почти никому. Этот факт подтверждается многими и в книге Сутурина. Так он второй раз избежал гибели. Следующим пароходом поплыли они, изнурительный путь продолжался месяц, и многие его не выдержали. Иннокентий Николаевич был физически здоровым человеком, и это помогло ему перенести трудности. Он попал на угольные шахты. Эльген-уголь, Каньон, Оль — все эти участки пришлось ему пройти. Что перенес там — всего не расскажешь. Однажды придавило движущимся механизмом, думал — все, но и на этот раз его счастливая звезда не подвела: как раз в этот момент отключили электричество.

Но порой больше, чем от морозов, каторжного труда, люди страдали от нечеловеческого отношения к себе, от неизвестности и унижения.

Вот почему с опаской и недоверием вошел Иннокентий Николаевич в дом нового начальника управления, вызвавшего его на беседу. Первый раз за все время пребывания здесь, а шел уже десятый год после его ареста, к нему обратились как к равному. «Ко мне жена должна приехать, скоро появится ребенок, — пойдешь ко мне помогать?» — спросил его молодой начальник. Честно говоря, поначалу испугался — ловушка, что-то хотят узнать от него. Но потом понял, что начальник говорит искренне. Поверил ему и решил помочь, хоть и испытывал сомнения: поймут ли товарищи, с которыми работал? Видимо, поняли: ха-

раактер у Раменского был спокойный, покладистый, настоящий колхозный мужик, и к нему свои относились по-доброму. Умел он все, что в хозяйстве необходимо, и хорошо ладил с хозяевами. У них вскоре родились двойняшки, а когда им исполнился год, ледок недоверия с обеих сторон растаял окончательно. Тогда и предложил ему начальник написать письмо родным, что строжайше запрещено было делать.

Много лет прошло с той поры. Мама Лидии Иннокентьевны умерла от сердечного приступа в 72-м, отца не стало в 91-м.

Это была обыкновенная семья. Но именно в ее истории отразилась, как в зеркале, целая эпоха жизни нашей страны. Эпоха, которую нельзя забывать.

Поэзия

Николай КАПУСТО

Родился в 1923 году в Белоруссии. С 1950 по 1980 годы жил и работал в селе Ленинское Еврейской автономной области. Был корреспондентом областного радио по Ленинскому району, сотрудничал в газетах «Биробиджанская звезда», «Молодой дальневосточник», «Тихоокеанская звезда», «Суворовский натиск».

Николай Владимирович начал печататься в 1965 году. Он автор поэтического сборника «Весенний огонь». Самодеятельный композитор Борис Салтыков написал более десяти песен на стихи Николая Капусто.

Николай Капусто печатался в коллективных сборниках «Литературный Биробиджан», в журнале «Дальний Восток».

Весенний огонь

В мае весна разыгралась. И вдруг
Бросила искры зеленые в луг.

Ветер с Амура раздул уголек,
Вспыхнул зеленый в лугу огонек.

И покатился по лугу шумлив,
Выбросив пламени буйный прилив.

Кинулось пламя в широкую степь,
В поле, где люди посеяли хлеб.

День ото дня все сильнее и сильнее
Ветер колышет огонь зеленей.

Блещет бескрайнего поля ладонь —
В поле бушует весенний огонь.

Рады в колхозе и молод и стар:
Выше вздымайся, зеленый пожар!

Песня Олюшки

Во поле зеленом за гречихою
Реченька полнехонька течет.
Кто ж меня весною в поле тихое
Через эту речку проведет?

На лугу тропинка чья-то старая
Стала муравою зарастать.
С кем же, посоветуй, зорька ярая,
Мне свою тропинку протоптать?

Девушки сказали: «Помни, Олюшка:
Повстречает друг тебя в пути».
Вот и вышла я сегодня в полюшко,
Чтобы здесь он мог меня найти.

Что ты мне киваешь, тучка рыжая,
Или кто-то вслед идет за мной?
Так и есть... Кого-то в поле вижу я...
Он спешит. И волосы волной.

Но к чему надел рубашку белую
И к чему торопится-идет?..
Может, это он меня, несмелую,
В поле через речку проведет?

* * *

Не пролился дождик к сроку,
Улеглась вдали гроза,
И озера сквозь осоку
Пялят синие глаза.

Трактористов на прохладу
Гонит лютая жара.
И стоят, тая досаду,
Близ осоки трактора.

Подойдя поближе к броду,
Им хотелось бы хоть раз
Окунуться с ходу в воду,
В глубь прохлады синих глаз.

* * *

А не правда ль, нынче на поле
С кукурузных зеленей,
Как росинки, тихо капали
Искры зоревых огней?

С юга ветры в поле хлынули,
И понять мы не могли:
Мед ли в небе опрокинули
Или липы расцвели.

Облака нависли грузные...
Грянь-ка, дождик проливной,
Чтобы стебли кукурузные
Встали на поле стеной!

Сенокос

Амурское лето.
Просторы родные.
В пырейную заводь врежаясь, шумя,
Уходят машины,
И травы степные
Зеленой волною ложатся плашмя.

Здесь солнце, и ветер,
И ворохи сена.
Здесь губы от горького зноя сухи.
Я снова устану.
Но все ж непременно
Писать буду ночью стихи.

На рассвете

Родники клокочат под ногами,
По распадам каменным звеня,
Сонный лес зелеными руками
Осторожно трогает меня.

Не вспугнув на ветках стаи птичьей,
Обманув сквозную тишину,
Вышел я на берег голубичный,
Где Амур раскачивал волну.

В дымке утра, медленной, лиловой,
Девушка спустилась за водой.
И цветы, как знак для встречи новой,
На волне оставила седой.

Или, может, то был знак привета —
Не грусти, мол, и не столько ждут...
Но цветы — я сам поверил в это —
Все равно до цели доплывут.

* * *

Если стал с годами хмурым,
Если жаль ушедших лет,
Батьке — синему Амуру
Погляди тогда вослед.

Шумно вспенив на просторе
Вековую седину,
Он несет в родное море
Вечно юную волну.

Угадай, что батько скажет,
Полон сил и красоты,
И почувствуешь, что даже
Сам не знал, как молод ты.

Татьяна БОГЛАЕВСКАЯ

Боглаевская Татьяна Васильевна родилась в с. Герасимовка, Новомосковского района, Днепропетровской области 12 марта 1973 г. в семье рабочих.

В марте 1987 г. вместе с родителями переехала в с. Горное Ленинского района.

В 1988 г. поступила в СПТУ г. Ломоносова Ленинградской области, в июне 1991 г. получила диплом по специальности мастер-цветовод-декоратор, плодоовощевод.

В этом же году вернулась на Дальний Восток.

С 1998 г. работает библиотекарем в с. Бабстово.

В 2003 году окончила Биробиджанский сельскохозяйственный техникум.

Печаталась в «Амурской ниве» и в «Биробиджанской звезде».

* * *

Христос воскрес
В Христово Воскресенье!
Воистину воскрес! —
Мы будем повторять.
У праздника великое значение.
Как нам его не петь, не величать.

Мы рады все Божественному чуду,
Что жив Христос —
Вот вечности закон.
И если бы покался Иуда,
Простил его Христос,
Как нас прощает Он.

* * *

Отчего душа томится,
Отчего она болит?
Может Богу мне открыться,
Может Он меня простит.

В чем найти мне утешенье?
Может, к Богу обратясь,
Я найду всему решение,
В церкви тихо помолясь.

* * *

Я иду тебе навстречу,
Много тысяч лет иду.
И боюсь, что не замечу,
Незаметно обойду.

Ты не дай мне заблудиться
В мире злобы и людей.
Ты же должен появиться,
Словно роза из камней.

Да, — я знаю, да, — я верю:
Мир покажется иным.
Он не будет больше серым,
Будет сказочно цветным.

Несмотря на дождь и вьюгу —
Доберешься ты ко мне.
Как к единственному другу
Я прильну тогда к тебе.

* * *

Погрязла в болото топкое
Вечных как мир грехов.
А счастье земное так робко
Пред истиной Божьих слов.

До боли грешна, я знаю,
Но каюсь и верю в Христа.
Я буду молиться, считая,
Что вера моя чиста.

Пусть темные силы отпрянут,
Пусть мыслей моих не туманят.
И я не буду слаба.
Татьяна я — Божья раба.

* * *

Весенний денек.
Душа ожила.
Подул ветерок,
На свиданье ушла.

Свиданье с природой,
С родимой землей,
Свидание с милой
Девчушкой — весной.

Я рада всем птицам,
Деревьям, траве,
Раскрывшимся почкам
И нежной листве.

Забилось дыханье,
В глазах огонек.
Всего лишь свиданье!
Веселый денек.

Татьяна Гурская

Татьяна Петровна Гурская родилась в Ленинском. Здесь окончила среднюю школу, а позже в Биробиджане — педагогическое училище. Работала воспитателем в детском саду и в местном ПУ-2. В настоящее время — в школе-интернате.

Стихи пишет со школьной скамьи. Особый период творчества Татьяны приходится на время, когда у нее появились дети, для которых она сочиняла детские стихи.

Повзрослели дети. Повзрослели и стихи Татьяны Гурской, периодически публикующиеся на страницах «Амурской нивы» и областных газет.

Родина

Березку рассмотрю в пыли дорожной,
Любуясь, сопку всю окину взглядом.
Замру, затихну, как это возможно,
Услышу клены, что алеют рядом!

Щедра земля поистине, радушна.
Стою я, околдованная далью.
Поляной — мягкой зеленью послушной
И ягодной далекой сизой марью.

Так вот что сердцу не дает покоя!
Раздолье это вечно дорогое.
Щедрот земли родимое тепло!
Мне в жизни этой крупно повезло!

Нет на планете солнышка теплей,
Чем в том краю, где я смогла родиться!
Я до седых волос буду гордиться
Землей дальневосточною своей!!!

Песня о станице Михайло-Семеновской

Улочки сошлись здесь близко-близко,
Шепчутся о чем-то с обелиском.
Времечко прошло,
Расцвело село.
А всего-то, сколько лет прошло.

Припев:

В зеленых фуражках,
Матросских тельняшках
На страже своих рубежей.
Михайло-Семеновск — село это наше
И наших с тобою друзей.

Здесь в колодце чистая водица,
Ломит она зубы до сих пор.
Древняя казачья ты станица,
Выдержала времени напор.

Припев:

В зеленых фуражках,
Матросских тельняшках
На страже своих рубежей.
Михайло-Семеновск — село это наше
И наших с тобою друзей.

* * *

Никогда я на жизнь не ропщу.
Не ругаю, не проклинаю.
Вдохновенно стихи пишу,
Даже, если белье стираю.

Щеки жалит румянец зимы
И снега заматают березку.
Нет ничьей предо мною вины,
В том, что жизнь, как тельняшка, в полоску.

* * *

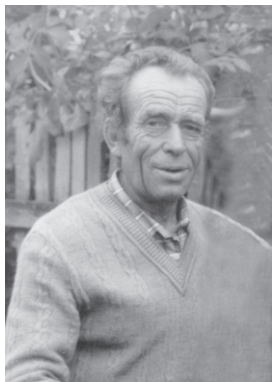
На листе ореха
Порыжелом, звонком
Набросала осень
Свой рисунок тонкий.

Росчерком кудрявым
Лист позолотила,
Написала четко:
«Осень наступила».

Дождиком холодным
Постучала в окна,
Бурая дорога
Сразу же намокла.

Рыжею листвою
Все вокруг накрыло.
Словно утверждаясь,
Шепчет: «Наступила».

Николай ДУРНЕВ

С творчеством Николая Дурнева жители ЕАО знакомы с шестидесятих годов прошлого века благодаря газетам «Биробиджанская звезда», «Амурская нива». Колхозник из села Нового Ленинского района писал о природе родной земли, богатстве дальневосточной осени, о тех, кто трудом своим делает эту землю краше.

...Родился Николай Иванович в 1934 году в дер. Выползово Старооскольского района Курской области. В 1940 году по переселению приехал с родителями в с. Ленинское, окончил школу, горно-технологический техникум. В связи с тем что внезапно умер его отец и будучи старшим, пришлось ему стать во главе семейства. Переехал в с. Новое, был рабочим. Пользовался уважением и почетом. Жена Нина активно участвовала в художественной самодеятельности. Николай писал ей новые и новые песни, которые многократно были отмечены дипломами и призами. Случилась беда — Николай Иванович заболел, перенес инсульт, был парализован, но продолжал писать стихи, которые не утратили прежней родниковой чистоты, перо его окрепло и возмужало.

Николай Дурнев умер, но односельчане помнят его улыбку, его песни звучат на сельской сцене.

Осень

Отпыхали хлебозоры,
Отпели косы вдалеке,
И осень дивные узоры
Рисует в каждом лепестке.

Подкралась тихо, как девчонка,
Коснулась нежною рукой
И паутиной тонкой-тонкой
Обвила тополь за рекой.

Прошла хозяйкою по полю,
Забытый колос подняла.
И детвору гурьбой веселой
С собою в школу привела.

Гусей собрала в караваны —
Пускай летят в далекий край.
Густой на яблоках румянец.
Вот будет славный урожай!

Перед грозой

Потемнели сопок кручи,
Задымились синевой.
И по ветру из-под тучи
Пахнет в воздухе грозой.

Рожь качнулася волною,
Зашептались дубы,
А под сивою лозою
Вихрь поднялся на дыбы.

Птичий хор в саду все тише,
Приумолк пчелиный гул.
Сбились голуби под крышей,
Только ласточки снуют.

Раскаленных молний жала
Хоть еще и далеки,
Но уж видно, как кинжалом
Режут небо на куски.

И от страха, чтоб укрыться,
Непогоду переждать,
Тянут к лесу зверь и птица —
Глупышей безвинных рать.

Он приглушит гул раскатов,
Раздающихся с небес.
Приютит он всех кудлатых,
Бескорыстный русский лес.

Просьба матери

Видел я на площади когда-то,
Как (по платью судя — из села)
К обелиску русскому солдату
Девочка старушку подвела.

Та склонилась перед ним в поклоне,
Не скрывая набежавших слез,
И с любовью свежие пионы
Возложила средь душистых роз.

Девочка с особенным стараньем
Слезы вытирала ей с лица,
Все вокруг минутою молчанья
Чтили память павшего бойца.

А потом в таком же все поклоне
Мать-старуха обратилась к нам:
— Сын любил мой эти вот бутоны
Собирать с росой по лугам.

Бегал он туда еще ребенком,
Где ковром чудесным все сплелось:
Но под нежным пеньем жаворонка
Жить ему недолго довелось.

Добровольцем он ушел в солдаты,
Года три отмерил под войной,
И уже весною, в сорок пятом,
Я узнала: пал он, как герой.

Навещаем мы могилу эту
Вот уже который год подряд,
Оставляя здесь цветы и лето,
Чтоб теплом согретым был солдат.

И сейчас под нашим небом синим
Вас прошу я, как родная мать, —
Люди, не теряйте доброй силы,
Чтобы снова мир не потерять.

На земле под пеньем жаворонка
Пусть живут, не ведая невзгод,
Все мальчишки мира и девчонки.
Вот о чем я вас прошу, народ.

Александра ДНЕПРОВСКАЯ

Родилась в Амурской области, в селе Средне-Белое. С пяти лет живет в Ленинском, здесь же окончила школу. По окончании Хабаровского пединститута вернулась в родное село.

Работает ответственным секретарем в редакции газеты «Амурская нива».

Соседи

Он самый старый из здешних дедушек,
Ему — восьмидесятый год.
Накрошит утром птичкам хлебушка,
Неспешно дворик подметет.

Заварит чай известным способом,
Сухарик в чашке размягчит.
Поест. Попьет. Помянет Господа.
А после внука покричит.

Тот через двор ночует с мамкою,
А с дедом целый день живет.
Дед для него кусочек лакомый
Всегда в столе прибережет.

Друг дружке сны расскажут длинные,
Щенка поучат дичь ловить.
А после примутся двуколку
Для нужд колхозных мастерить.

Впрягут в нее они Игривого.
И понимая этих двух,
Взмахнет савраска черной гривой,
Помчит проулком во весь дух.

Отчего?

Ах, боже мой, да уходи!
И ты мне надоел изрядно.
Змею пригрела на груди.
И все!.. И без тебя!.. И ладно!..
Ах, ах, как дверью мы стучим.
Да здоровствует моя свобода!
Мне греться, старой, на печи
Аж через сто лет и полгода.
На небе — солнце во всю мощь...
Но отчего вдруг ненароком
Такой пролился крупный дождь,
И только на мои пять окон?

Дом

Побросали в машину братья скарб и узлы.
«Трогай, паря!» — шоферу крикнул старший из них.
И уехали с песней в очень дальний район.
И остался пустынным их бревенчатый дом...
Он добротным и крепким был полгода всего.

Вдруг забор высоченный вкривь и вкось повело.
Обветшала толь с крыши, сохнут вишни в саду.
Семикратно семь окон прокричали беду.
И затих и смирился дом в одну из ночей.
Проскрипела калитка, подытожив, — ничей.

Песня

Ой, чудо чудное! Ох, что наделала —
Ведет по улице всей жениха.
Самой за сорок уж, однако смелая —
Вон как залиvisto ее «ха-ха!».

А платье синее с цветами белыми
И туфли лодочкой ей в самый раз.
Ой, чудо чудное! Ох, что наделала —
Вон как любовь свою — всем напоказ.

Но что со спутником? В него как снадобьем
Смертельным вылили злой шепоток.
При расставании сказал: «Не надо бы»
И — в общежитие, на свой шесток.

От каблучков ее глубоки выемки,
И синева в глазах заledenелая.
Наверно, правы вы, все это выдумки:
Нет чуда чудного. Ох, что наделала!

Васильевна

Вот не знала я, как тяжела
Дверь, которая в комнату смежную.
Сорок лет с муженьком прожила,
А вчера схоронила сердешного.

Как он мучился тут. Ей-же-ей,
Верь, не верь — исхудал вполовину.
С каждым днем все сильнее и сильнее
Выпрямлялась под Степой перина.

Проходи. Вместе чаю попьем.
Я в заварнике травки напарю:
Посмотри наш семейный альбом.
Мы там всюду со Степой на пару:

На веселье вдвоем, на дела.
Мы в супружестве не подкачали:
Пять сынов я ему родила.
Дай, еще подолью тебе чаю...

* * *

Что грозы, что ветры!
Ты — лучик. Я — ветка.
А будет, а верится:
Ты — солнце. Я — деревце.
Ты — светлое, светлое.
Я — цветное, цветное.
А если вдруг туча?
Я — ива плакучая?
Зеленые слезы?
Я — ветка березы!

Ссора

Цена есть молоку, но грош цена — обрату.
Брат навредил сестре, сестра — ответно брату.
У них здоров — входи, а захворал — обуза.
Как истончились здесь все родственные узы!

Здесь солнечный закат не с запада — с востока.
Здесь напряженна нить родного кровотока.
Здесь потеряли связь разумности слова.
Здесь правит всем Иван не помнящий родства.

Но встала мать меж них
И посмотрела так,
Что крик сестры затих,
И брат разжал кулак.

Бессонница

На потолке от лампы желтый круг.
Ну, что за ад! Хочу заснуть — не спится.
Не понята сто раз прочтенная страница
И «про себя», и по слогам, и вслух!

Неужто, все опять! В мои лета
К врачам ходить на сердце с жалобой,
Степенства накопить не помешало бы.
А я как в 20 лет — все та.

Смешала чувства в редкостный коктейль.
Чего в нем только нет! И страх, и нежность,
И узость прав моих, и прав его безбрежность.
Преподнесла: избранник поздний, пей.

Он вежлив был и отказал не вдруг.
И долго говорил, что нет к тем веры,
Кто увлечен не по годам без меры...
На потолке от лампы желтый круг...

Владимир ЖУРАВЛЕВ

Журавлев Владимир Николаевич родился в 1966 г. в с. Новотроицкое Ленинского района. Здесь, окончив восьмилетнюю школу, продолжал учебу в Биджанской средней школе, по окончании которой поступил на филологический факультет Хабаровского пединститута. Служил в Бабстово. После окончания института преподавал в Биробиджанском педагогическом институте.

В настоящее время проходит службу по контракту в Биробиджане в звании подполковника.

Стихи начал писать в школе, был активным участником районного литобъединения «Встреча».

Печатался в районной, областных и краевых газетах.

Взводный

Над черным лесом дым холодный
И солнце долго не встает.
В снегу лежит убитый взводный,
Закрыв собой немецкий дот.

Еще недавно смертью лаял,
Свинцом плевался пулемет.
И под стволом снежок подтаял,
Как воск на солнце с желтых сот.

Тупая боль в ногах усталых,
И автомат в руках дрожит.
И сколько полушубков алых
По полю снежному лежит!

А взводный снова поднимался,
Хрипел простуженно: «Вперед!»
И на чем свет стоит, ругался,
Поднять в атаку силясь взвод.

В снегу лежит солдат убитый,
Зажав холодный ствол в руке.
Глаза испуганно открыты,
Слеза застыла на щеке.

В холодном воздухе пуль строчки
Свистят в густых ветвях елей.
Он не увидит больше дочки
И не обнимет сыновей.

Рывок последний, через трупы.
Упал, поднялся, вновь упал.
И доту в огненные зубы
Наш взводный грудь свою отдал.

В холодном воздухе пуль строчки
Уж не свистят в ветвях елей.
Вот тот солдат увидит дочку.
А тот обнимет сыновей.

Деду моему Н.М. Журавлеву

Свежина

Трубы печные дымят на морозе,
Видишь, снегами двory замело?
В это заснеженное село
Сердце одною дорогой вело
На бензовозе, на лесовозе,
Просто на кузове — как повезло.

Перед октябрьскими поздно светает.
Лампы паяльные глухо гудят,
Снег полукругом желтеет и тает,
Бойко сороки над крышей летают,
И на штакетник сесть норовят.

Загодя боров не кормлен к субботе,
Искрами сыплет звенящий наждак.
Дед подправляет старинный тесак,
Вот и курки у двустволки на взводе.

Вдох... тишина... выстрел хлопает сухо,
С треском сороки — какая куда!
Валится боров, хрипящий, на брюхо,
Вот и кобель его тянет за ухо,
Ух, тяжеленный — ничто, не беда!

Перевернули — Ну, дай Бог здоровья
Сладить с работой! А ну-ка втроем!
Лампы гудящие в руки берем,
Руку подальше, пока целы брови.

Кровь запекается, шерсть обгорела,
Шкура уже пузырями пошла.
Любо мне это крестьянское дело!
Ухо прижарилось и захрустело,
И собачни собралось с полсела.

В ведрах вода — кипяткок остывает,
Сухо скрипят по щетине ножи,
Мелко кобель на морозе дрожит,
С крыши сорока за ним наблюдает.

Ох и плутовка! Снежком в нее — на!
Весело, зябко... Сорока стрекочет,
На сковородках с шипеньем воркочет
Сало, и мясо, и лук — свежина!

Моются руки горячей водою,
Снег обметается с валенок — эх!
С эдакой вкусной, живой свежиною
Хряпнуть рюмашку — великий ли грех?

Тут разговоры, багровые лица,
Красные пальцы не гнутся еще,
Пар ароматный по хате клубится,
Бабка у печки с ножом суетится.

Вон как румянец залил смуглость щек!
Дед захмелел, подавайте гармошку!
(А накурили-то, дым полосой!)
Как заиграет «Стежки-дорожки»,
И заливается мутной слезой.

Молодость вспомнил, далекие годы
(Нынче уж песен таких не поют),
Вспомнил тропинку и мостик над бродом,
Где провожал он за огородом
Гришину Таню — бабушку мою.

Вот уж и вечер, и песни все спеты,
В мутном окне загорелась звезда,
Стынут в тарелке свиные котлеты,
Эх, повторится ль все это, когда?

Время безбожное, мы повзрослели,
Вот уж пришел я на дедов порог
В серой суконной солдатской шинели,
С звоном подков от солдатских сапог.

Стынут деревья в саду на морозе,
Снова дорога меня приведет,
К этой посаженной дедом березе,
На бензовозе, на лесовозе.
Просто пешком — там уж как повезет...

Тамара ИЛЬИНА

Тамара Ильина родилась в селе Левинка Саратовской области. С 1958 года живет в ЕАО. В с. Ленинском окончила среднюю школу, затем Биробиджанское культпросветучилище. Работала в селе Ленинском библиотекарем. Жила в Одессе, в Находке, но вновь вернулась на круги своя. Продолжает писать стихи. Печаталась в областных, краевых газетах, в журнале «Дальний Восток», в коллективных поэтических сборниках.

Живет в Биробиджане.

За городом

А погода — какая угодно.
Все прогнозы синоптиков — смех.
И деревья растут — как удобно
Им ловить зазевавшийся снег.

Ветер хлопнет в ладони калиток,
И свое представление начнет.
Дождь без памяти бьется о плиты,
Разобьется — и снова живет.

Старый дом, приبلудившийся к морю,
Не берущий в расчет круговерть,
Умирает от давнего горя
И ни может никак умереть.

* * *

Как надменно и как поверженно
Смотрит время на нас
С привокзальных часов, истерзанных
Миллионами глаз.

О, мы с ним не всегда почтительны,
День торопим и ночь, —
Оттого-то разоблачительно
По натуре оно.

Кто ж виновен, когда напутано
По вине по твоей...
Но — мгновения неподкупные,
Но — безудержность дней...

* * *

О, как убивают иные заботы,
И все призывают быть выше чего-то.
Быть выше обиды,
Быть выше скандала,
Того, что нам надвое
Бабка сказала.

Дуэль отменили,
Страдать — обленились,
А вот возвышаться
Над всем — научились.

А я не умею.
Да надо ль стараться?
Наверно, важнее
Уметь преклоняться.

Пред жизнью — вовеки.
И матери — в пояс.
Ничто не заменит
Души беспокойства.

Давайте не будем
Бояться увлечься,
Давайте забудем,
Что надо беречься.

* * *

Не будет слов, их просто нет — таких,
А будут лишь глаза — на пол-экрана.
И будут руки.
Очень крупным планом.

Сплетенье рук в доверии двоих.
Еще там будет музыка стиха
«Я встретил Вас...» из звуков откровений,
И все вместится в несколько мгновений,
Отснятых спешным взглядом.
Впопыхах.

* * *

У вечера в петлице —
Последняя сирень.
Роман наш долго длится —
Уже четвертый день.

Четвертый день разлуки
С той жизнью, где мы врозь.
Ах, что же март от скуки
Творит со мной всерьез!

Качает от бессонниц
Нагретое крыльцо.
И трудно против солнца
Смотреть тебе в лицо.

* * *

В мире удобных истин,
Правильных, гладких фраз
Нам предъявляет иски
Мир социальных драм.

Хватит ли благородства,
Трезвости головы?
— Нынешнее сиротство
Не от войны — увы!

Проще — возьми конфету,
Проще — полтинник — на.
— Как достает нас эта
Уличная шпана!

Дети с глазами взрослых,
Что они ждут от нас?
Тетя посмотрит косо,
Дядя в сердцах поддаст.

Дома с телеэкрана
Теплый не льется свет.
Дома такая мама,
Будто ее и нет.

Не по сезону шапка,
Не по плечу пальто...
Что происходит? Жалко,
Должен ведь кто-то...
Кто???

Сытые нелюбовью,
Прячущие глаза.
Увеличитель боли —
Детских обид слеза.

Борис ЛИПИН

Родился в г. Облучье в 1952 году. После десятилетки служил в армии. К этому времени относятся первые опыты стихосложения.

Работал в районной газете «Охотско-эвенская правда» в п. Охотск. После окончания Хабаровской высшей партийной школы был направлен в п. Чегдомын, где проработал 16 лет главным редактором районной газеты «Рабочее слово». С 1997 года живет в Ленинском. Работал заведующим

отделом редакции газеты «Амурская нива», в настоящее время заведующий отделом по связи с общественностью и СМИ администрации района. Член Союза журналистов России. Публиковался в центральной, краевой и областной печати, в книгах «Земля охотская», «БАМ — магистраль подвига».

Село мое неприметное

В Приамурье таких мест немало,
Но одно на земле всех дороже.
Для меня малой Родиной стало,
И волнуешь всегда и тревожишь.

Припев:

На картах село неприметное,
Ко всем добрым людям приветное,
Когда-то ты Ленинским названо,
С тобою вся жизнь моя связана.

По селу, на других не похожему,
В палисадах черемухи цвет.
Улыбнись ты любому прохожему,
И тебе улыбнутся в ответ.

Хорошо любоваться Москвой,
Но мне в Ленинском счастье дано,
Погостив у родни городской,
Возвращаюсь сюда все равно.

* * *

Солнцем залито полнеба,
Холодит росой.
Я возьму краюху хлеба,
Луковицу с солью.

И отправлюсь в дальний путь
За крутым откосом,
Чтобы бате подмогнуть
Нынче с сенокосом.

...Вот и вспомнил я опять
Дней июньских просинь.
Было мне тогда лет пять,
Бате — двадцать восемь.

* * *

Кандагар, Гиндукуш, Герат...
Эти горы, таящие смерть.
Позабыть бы Афган я рад,
Только сердце стучит: не смей.

Как забудешь снарядов вой,
Рев «вертушек» над головами.
И вздохнешь, ты еще живой —
Не забыть написать бы маме.

Приказы мы с тобой не обсуждали,
Зато узнали мы за эти годы,
Какой ценой оплачены медали
От благодарного афганского народа.

* * *

Яне

Сегодня море в пенных кружевах
На берег волны катит торопливо,
И на отцовских прыгая плечах
Девчонка улыбается счастливо.

Мы не спеша по берегу идем,
Туда, где скалы высятся упрямо,
Забыв, что оставляем сзади дом,
Где с ужином нас ждет жена и мама.

* * *

Не для сиюминутной конъюнктуры
Сегодня выданы им чистые листы.
С Есениным и Пушкиным на ты —
Выпускники сдают литературу.

Брожение чувств и мыслей в головах,
И пахнет оглушительно сиренью...
Но надо наклоняться к сочинению,
К листам со штампами, лежащим на столах.

* * *

(шутка)

После дождичка в четверг,
А точнее, в ту субботу
Собрались на «Москвиче»
Мы на «тихую охоту».

В лес зашли, ступая чинно,
Понадеясь на авось,
Только ножик перочинный
Сразу вытащить пришлось,

Потому что под кустом,
От чужих укрывшись глаз,
Три гриба стоят рядом —
Им не спрятаться от нас.

И пошла потом охота
По глухим осинникам.
Лезть в лукошко не охота
Подосиновикам.

А в сторонке от тропы —
Собирай в охотку,
Растут белые грибы,
Аж со сковородку.

В общем, не напрасно
В лес свозил нас Леха.
Удалась прекрасная
Из грибов жареха.

* * *

Мой друг Зимин Серега из Тюмени
Нелепо злую фразу оборвал,
Неловко подогнул свои колени
И навзничь опрокинувшись упал.

И на прикладе стройной СВД
Еще одна зарубка зазвенела,
А снайпер, почесавшись в бороде,
Опять заглядывает в стеклышко прицела.

Ах, мать твою, пехота будь неладна —
Окопы роем мы с утра и до темна,
А ночью, кушая солдатскую баланду,
Я вспоминаю про Серегу Зимина.

* * *

Разведка — войска не для нервных.
Сюда не пускают их.
Идет здесь война, во-первых,
И гибнем здесь мы, во-вторых.

Рубаем тушенку в консервах,
Банка — одна на троих.
Забыли давно вкус блюд первых,
Не говоря о вторых.

В поникших осенних вербах
Мой друг навсегда затих.
Он воином был, во-первых,
Он долг выполнял, во-вторых.

В группе товарищей верных
Он лучшим бывал среди них.
Я вычислил горца, во-первых,
Ему отомщу, во-вторых!

Вчера всю ночь стучал по крышам дождь,
Как водится, осенних дней примета.
На небо молча взглянешь и вздохнешь
О том, что заблудилось бабье лето.

Идут дожди. На улицах села
Разливы луж на озера похожие.
И смотрятся в них словно в зеркала,
Дома, деревья, небо и прохожие.

Подражание старинному романсу

Обидеть вас — я не посмею,
Солгать вам — Боже упаси.
Отдам вам все, что я имею,
В ответ услышав томное: «Мерси».

И под гитары голос нежный
Уйду, прикрыв тихонько дверь,
Храня покой ваш безмятежный,
В лесах скитаться, словно зверь.

Никто на свете не узнает
И повода не даст слезам,
Что ваше имя совпадает,
С тем чувством, что питаю к вам.

Живя за совесть, не за страх,
Друзьями брошенный своими,
Последним словом на устах
Шепну я тихо ваше имя.

Разукрасил волшебник-мороз
Стекла, тихо проникнув во двор.
И прекраснее маков и роз
Этих снежных кристаллов узор.

Невесомо прильнув на оконце,
Кружит изморозь танец свой.
Жаль, что первые лучики солнца
Заберут эту сказку с собой.

* * *

Ровно бьются два юных сердечка,
Как две капли весенних похожи.
Две сестры. Два созданья.
Ах, девочки —
Никого нет на свете дорожке.

И когда из садика шагают,
Улыбаясь, смотрит вслед народ,
Как цветут девчужки. Подрастают.
Им на днях пошел четвертый год.

* * *

Вот и снова за мокрыми стеклами грянул апрель.
На восток голой веткой своей потянулась береза.
И вчера по утру мне почудилась птичья трель,
А за нею слышал далекий гудок тепловоза.

Сам себе я смешон, но я очень устал от разлуки.
Вот не думал, что это настигнет на старости лет.
Вспоминаю все чаще твои обнаженные руки,
Задыхаясь в дешевом дыму от своих сигарет.

Год считаю за два, сам себе выбирал я дорогу,
Честь сберег до конца, а тебя, уж прости, не сумел.
Боль в душе, да и сердце колотит тревогу,
Я занозу давнишнюю в нем ненароком задел.

Ирина МЕТЕЛКИНА

Ирина Николаевна Метелкина родилась в Латвии в семье военнослужащего. На Дальний Восток семья переехала в 1958 году в село Бабстово, а затем в Ленинское. Здесь окончила среднюю школу, позже в Комсомольске-на-Амуре педагогический институт. Вернулась в родное село, где преподавала в школе, ПУ-2, работала в газете «Амурская нива», «Биробиджанская звезда». В настоящее время является директором районного исторического музея.

Стихи начала писать в школе. Печаталась в областных, краевых газетах, в журнале «Дальний Восток», в разные годы выходили коллективные сборники в Хабаровском книжном издательстве, где были ее стихи.

Руководитель районной литературной группы «Встреча».

* * *

Когда навалится тоска, обрушится,
Оставлю дом, не оглянусь, мой поезд скорый.
Качнется старенький вокзал, закружится,
И потекут поля, поля, да косогоры.

Вон побежала борозда озябшая.
Жди, терпеливая, взойдут твои колосья!
Во мне, я слышу, тишина восходит заревом,
Спокойней на сердце, уже не так колотится.

А за окном земля. Поля грустят о зное.
Под снегом снится им дождя хмельная влага.
И осенит, пронизжет ясности ознобом,
Нальется сердце и любовью, и отвагой.

А за окном опять разъезд и снова станция,
Родимый край, страна и я, как будто странница.
Мой грянет час, мне хватит мужества и радости
В минуту трудную быть с родиною рядышком.

* * *

Возвращаюсь, по свету пространствовал.
Значит, так завещано, начертано.
Здравствуй, моя маленькая станция, —
Родина моя, мое Отечество.

Вот и дом мой, и крыльцо нагрето солнцем.
Не присев, нарву в ладони вишен сочных.
Тополя качнутся мне навстречу.
Задохнусь. Смешаю все — восход и вечер.

Ах, не вечер! Утро раннее янтарно.
С поля дымом сладко веет и цветами.
Желтой челочкой кивает мне спросонок
Тонконогий и застенчивый подсолнух.

Возвращаюсь в отчий дом, родительский,
Охну, припаду к могиле матери я,
Взвою к небесам, прости, родимая!
Позовет, окликнет дочка маленькая...
Позовет, окликнет внучка маленькая.

Похоронка

Вставало солнце трудное и красное.
И разливалось солнце вязко, густо.
Текли лучи стремительно и грустно
И ударились вдруг в оконце крайнее.

И вскрикивали петухи испуганно,
Причаливал мальчишка в лодке утлой,
И женщина стояла среди утра,
Полуодетая, с косой распущенной.

Она, как песня, медленно покачивалась,
Протяжно выла, вскинув очи к солнцу.
И окна в избах открывались сонно,
И люди торопились на окраину.

Тревожно шли, как на «ау», за голосом.
Шепча: «Досталось Насте натерпеться.
Ну, как она без мужика теперь-то?»
А женщина разбрасывала волосы.

А глубоко лежали парни павшие,
На голос рано просыпался хутор.
И, словно флаг над головою утром,
Вставало солнце над землей и пахарем.

* * *

По улице тихонько охая,
Глазами теплыми мигая,
Траву неловкую сминая
Бежали тоненькие лошади.

Звенели бубенцы, как песенка,
Копыта тротуары били,
Спешили лошади не в битву.
Бежали ласково и тесненько.

И с ними, радостен и тонок,
Как будто песенку насвистывая,
Бежал горячий, словно искорка,
Ушастый красный жеребенок.

Он задирает коленки весело,
Хоть маленький, он не опаздывал.
Так по селу не в бой, не парами
Бежали лошади за вечером.

* * *

По релкам и падям кочую.
Качается влага в глазах.
Багряное, желтое чудо,
Помедли совсем исчезать.

Поцарствуй, октябрь, повластвуй,
Покуда деньки не сочли,
Пока величаво и ясно
На землю снега не сошли.

* * *

Осень...
Облачко отпрянуло от губ.
Вашими словами я была б согрета,
Утонуло лето, я ждала вас лето.
Лето... Больше не могу.

Опадала вишня, ягода алела.
Сочная, горячая, солнечная спела.
Я с варенья пену убирала, пела.
Пела. Больше не могу.

На крыльце высоком, как на берегу,
Ожидала вас, да ветром остудило,
Да дождем омыло, да крыльцо остыло.
Было. Больше не могу.
Осень...

* * *

Какая осень, день каков!
Душа оранжевым наполнена.
Нас одарила осень поровну
Сиреневостью облаков.

То инея прозрачность, искренность
Рассыпет осень у плетня,
То завернет летящим, лиственным
Крушением средь бела дня.

И будет грустью сердце ранено
По поводу ушедших дней.
Но радости пробьются радуги —
Снег ляжет у дверей.

* * *

На заре обожгут морозы.
Сад мой из хрусталя.
Этот белый покой на полях!
Разве мыслимо прозой!

Разве мне удержать восторг,
Как торжественно день наступает.
Не светает, а расцветает,
Алым, желтым пылает восток!

* * *

Квадрат окна прозрачным станет,
Звезда последняя растает.
По бледно-голубому снегу
Пройду к колодцу за водой.

И буду с бабами судачить
Про все удачи — неудачи,
Но о тебе совсем не вспомню
И имя не произнесу.

А вечер явится с порошей,
Сухих поленьев в печь подброшу.
Запляшут красные закаты
В моих малиновых зрачках.

Детей веселых накупаю
И засыпаю, засыпаю.
Но о тебе уже не вспомню
И имя не произнесу.

Ветеран

Ордена и медали начищены с вечера.
Две звезды — две кровиночки алые светятся.
Он идет на парад, трудно дышит, заметно прихрамывает.
С ним и юность его, и друзья его юные, храбрые.

С ним неистовый май и ликующий выстрел Победы.
Но сначала он много всего испытал и извещал.
И несет он в себе незажившую памяти рану.
Не стыдись, молча плачет на майском победном параде.

Я поодаль стою, мне здоровья и счастья хватает.
Дом, и дочка, и муж, и друзья в выходной навещают.
Что же я горько плачу, как будто ушло безвозвратно
Что-то очень мое, и не вынести этой утраты.

День устал, к закату не торопится,
Зной прилег напиться у реки.
Лето, лето, моей сторонки
Не скупись на добрые деньки.

Хлынь дождем, росток смешной топорщится,
Гриб-пострел — кепчонка набекрень.
Только бы погода не испортилась,
Только бы на завтра добрый день!

Я не для себя прошу, порадуй,
Щедро, справедливо награди,
Тех, кто просыпается пораньше,
Солнышко на миг опередив.

Алые, усталые комбайны
Поздно возвращаются с полей.
Лето, лето, солнышка добавь им,
Да дождем нечаянно не пролей.

Только бы успели, только б вдосталь!
Вечная молитва на заре.
Господи, так ясно все и просто,
Как и снег, что ляжет в ноябре.

Екатерина МАЛЫГИНА

Малыгина (Ширшова) Екатерина Юрьевна родилась в Нижегородской области, где прошли детство и юность. На Дальний Восток приехала по переселению в Башмак, откуда прислала в редакцию «Амурской нивы» свои первые стихи. Ее заметили, пригласили к сотрудничеству. После переезда в Ленинское она работает в редакции районной газеты, заведующей районной библиотекой.

Сегодня Екатерина Малыгина член Союза журналистов, живет и работает в Нижнем Новгороде.

* * *

Было слово... но ушло, исчезло.
Только след оставило в душе.
Было слово, но опять безвестным
Растворилось в гулкой тишине.

Было слово. От души, от сердца,
Родилось в весенней кутерьме.
Но внезапно затворилась дверца,
Спрятав где-то слово в глубине.

Снова этот поиск бесконечный
Будоражат внешние ветра.
Ну, не будь же, слово, бессердечным
И меня не мучай до утра.

Отзовись, найти тебя сумею,
Лишь чуть-чуть напomini о себе.
Без тебя — навеки онемею,
Без тебя — не жить мне на земле.

* * *

Не целуй мне руку на прощанье,
До ворот меня не провожай.
Слышишь: вот опять гудок вокзальный
Поманил меня в далекий край.

Там не будет слез, не будет лести,
Там не будет зла и суеты.
Там всегда с тобою будем вместе,
И меня предать не сможешь ты.

Спи спокойно, не терзайся слишком.
Я из тех немногих на земле,
Для кого стихов любимых книжка
Каравай заменит на столе.

Не целуй мне руку на прощанье,
До ворот меня не провожай,
Не шепчи мне тихо: «До свиданья».
В дальний край меня не отпускай.

* * *

Мы собрали девичник,
А всего-то нас трое.
Мы — подруги давнишние,
Не судите нас строго.

Мы сегодня ослушались
Половины мужской,
Чтоб излить свои душеньки,
Пропустить по одной.

Скромный столик журнальный
Пара кресел, диван...
Льется песня печальная,
Как любовный роман.

Мы поделимся радостью,
И печаль на троих.
И забудем мы начисто
О невзгодах своих.

* * *

Завьюжила сугробами зима,
И стали ниже маленькие хатки.
Опять не сплю, опять сижу одна
Наедине с клеенчатой тетрадкой.

А я-то думала, когда зима придет,
Со мной бессонница моя простится,
Мой стих замерзнет, как на речке лед,
И лишь весной, оттаяв, возродится.

Валентина ПАНЧЕНКО

Валентина Николаевна Панченко родилась в г. Енакиево Донецкой области. Школу окончила в 1957 году. В Ленинское приехала в 1976 г. Пишет стихи с юношеской поры. Печаталась в «Амурской ниве». Член районного литобъединения.

* * *

Полна я жизненных тревог,
Где взять мне сил сопротивленья?
Я ж — как оторванный листок,
Плыву по вольному теченью.

Я, словно яблоня в цвету,
Когда посыплет снег тяжелый,
Как устоять мне, как смогу,
Как не согнуться низу, долу?

Но как с вершин бежит ручьем
Снегов растаявшая гряда,
Так в сердце бедное мое
Стекает горе отовсюду.

* * *

Пришлось нам в жизни испытать:
И хлеб ржаной взахлеб глотать,
И лютый холод,
И душу леденящий страх

С немой печатью на устах,
Послевоенную разруху,
И смерть — костлявую старуху.

Пятидесятых не забыть.
Мы не устанем говорить,
Как в дни репрессий
Всего за пару слов — тюрьма.
Страшней чем голод.
Тюрьма для сердца и ума.
Страшней, чем холод.

Письмо матери

Ты ждешь от меня письма,
Не спишь и в ночи вздыхаешь.
Все думаешь, как у меня дела,
И километры меж нами ругаешь.

Мама моя, как всегда ты права.
Нам надо давно быть поближе,
Пока еще осень, покуда трава,
А скоро ее белый ветер слижет.

Пока еще снег не замел пути,
Меж нами далекие стежки-дорожки.
Я вижу, опять ты не спишь,
Глядишь в затуманенное окошко.

Чем успокоить мне сердце твое,
Наполненное о детях печалью?
Приляг, сберегу я твое забытье,
Укройся подаренной мною шалью.

Ты только подольше живи, моя мама,
Еще постарайся не часто болеть.
Чтоб это письмо с моими стихами
Смогла б ты не плача, родная, прочесть.

Николай САЗОНОВ

Николай Сазонов родом из Нижнего Тагила, но родиной считает Кукелево, где в 1972 г., отслужив, уволился в запас.

Писать стихи начал с четырнадцати лет, затем научился играть на гитаре. Многие его стихи переложены на музыку, автором которой является сам Николай.

Николай — активный участник всех встреч районного литературного объединения, выступал со своими бардовскими песнями в коллективах. Печатался в «Амурской ниве».

В 1998 г. вышла его книжка стихов «Пусть катится, катится, с болью, тихо любовь моя».

Сейчас работает на Восточном участке БАМа, по-прежнему занимается литературным творчеством.

* * *

Синяя Россия и прозрачна грусть.
Клин мой журавлиный — сутолока чувств.
По дорогам русским, под березы сень,
Вижу, как уходит безвозвратно день.

Новый день родится, старый догорит.
Зарево заката, торжество зари.
Запах чистый хлеба, колос и земля,
Без чего на свете просто жить нельзя.

* * *

На стене иконы темный лик
В душу смотрит, будто вопрошает:
Что ты сделал для кормилицы-земли,
Как ее делами украшаешь?

Дал приют ли путнику в ночи,
Опустил в ладонь убогого монету?
Разве ты не слышишь, как земля кричит,
Будто избиваемая плетью?

Лик иконы и печален и угрюм,
И слеза в больших глазах застыла,
Никуда не деться мне от горьких дум,
От которых и она не защитила.

* * *

Куда уходите, поэты,
Когда окончен жизни срок?
И есть ли для души на свете
Отрады светлый уголок?

Я ваши души различаю
По голосам, как пенье птиц,
Куда уходите, я знаю
И различаю блики лиц.

Кто родником в камнях струится,
Кто журавлем плывет вдаль,
Кто ивой над рекой склонился
Кто сердцем маятно болит.

Идут, идут, идут поэты
В озера, росы и снега,
Туда, где смех струится детский
И где шумит в ночи река.

Я тороплюсь скорей напиться
Стихом, как капелькой росы,
России низко поклониться,
Поэта долю попросить.

Распахнулась душа у вечности,
Ветер рвет рубахи с дубов,
Вдаль по тракту, по бесконечности
Кони вдаль умчат седоков.

У гитары струна напевная,
И рвались нервы струной,
И пошли, покатались безмерные
Стихи, волна за волной.

Только эхо гудит натруженно,
Да копыта искры секут,
Знаю, там вдали не разбужены
Сердца, откровения ждут.

По траве, по росам за песнями
Уходил в багровый закат.
В напряженье стонало бешеном
И билось сердце не в такт.

С ледником, отражающим лето,
И слезой взгрустнувшей луны,
И с бродячей мечтой поэта,
И с напевностью вольной струны.

* * *

Я боюсь за тебя, я молюсь за тебя.
Бога я просил, чтоб хранил тебя,
И луну попрошу, чтоб светила в ночи,
И в калитку твою, пусть беда не стучит.

Пусть с волос твоих ветер платок не сорвет,
Пусть печаль твоя тихо в мое сердце плывет,
Я ее убаюкаю, как баюкают дочь,
И уснет невзначай она в тихую ночь.

И в жару попрошу я дождя для тебя,
И цветы для тебя, и весна для тебя.
Мои песни, стихи, моя жизнь до конца,
Только рядом бы наши стучали сердца.

Меж сопок вековых и величавых,
Где сединою облаков покрыт Даур.
Течет могучий, на пути преград не зная,
Казачий, вольный батюшка-Амур.

Он на волнах своих туман качает,
Купает воды в аlostях зари.
И путь далекий к морю-океану
С неудержимой резвостью торит.

И не сдержать скале поток бездонный,
Не любит батюшка в оковах силу несть.
Ни перед чем не склонится покорно,
Оберегая имя свое — честь.

Упругий ветер, разгуляйся над стремниной
И вдаль челнок мой бешено помчи.
Пусть белой чайкой или криком журавлиным
Моя любовь к тебе, Амур-гуран, летит!

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Александр ИВЧЕНКО

Мы в ответе

Мы в дальний лес ходили, пряча страхи,
Дворняг от волка прихватив с собой.
Купаясь в речке, мы ловили раков
И на рыбалку бегали гурьбой.

Все меньше рыбы, исчезают раки,
Мелеет речка детства моего.
В ней нынче есть колеса, банки, баки,
Металл и хлам, а больше ничего.

А волки... их в лесу в помине нету,
Моим детишкам волка не видать.
Деревьев стало меньше, больше света
И мусора... А где же благодать?

И что же детям мы своим оставим?
Волк — в зоопарке, на картинке лось.
Ведь мы своих детей бездушьем травим.
Ох, как бы пожалеть нам не пришлось!

Иван ПОТИЙ

Любовь пройдет, любовница изменит.
Тоска нахлынет, потопить грозя.
Готов упасть сегодня на колени
Я перед вами, милые друзья.

Вы не забыли Ваньку с Украины.
И два письма на почте ждут меня.
От брата Леньки, от сестры Ирины.
Спасибо вам, далекая родня.

Сижу один, тоску как мусор вымел
И дверь захлопнул: подлая, катись.
Водой горячей сковородку вымыл,
Что хоть на стенку вешай и глядись.

Друзья мои, далекая дорога
Теперь меня нисколько не страшит.
Когда-нибудь у вашего порога
Весенний зной глаза запорошит.

Владимир НЕВЕДРОВ

Пришла пора осенних листопадов,
Собрался в стаи шумный птичий люд.
Гуляют огородами лопаты,
На клумбах астры поздние цветут.

Все чаще и мрачнее в небе тучи,
Короче дни, а ночи холодней.
Но все же, осень кажется мне лучше,
Хоть много грусти и печали в ней.

Ликуй же, осень, красочной палитрой.
Ловись, кета, мала и велика.
Приятна грусть. Ты с думой самой чистой
Будь мне подругой. Вот моя рука.

Леонид ПЕТУХОВ

В этот мир, молодой и влюбленный,
Орошенный дождем и свинцом,
Мы пришли из полей опаленных,
Из надежд победивших отцов.

Наши души работой озвучены,
Наши руки от песен сильны,
Мы слагаем запевами лучшими
Биографию нашей страны.

Мы нежны, мы тверды и ранимы,
Видим мир без теней и прикрас.
Мы нужны и стране, и любимым.
Ну, а что еще надо для нас?

Мария ФАРАФОНТОВА

Ты слышишь, осень шепчет: «Подожди!»
И я прошу: «Не уходи, не надо».
Ты видишь, льются за окном дожди.
Но, как и ты, я тоже им не рада.

И кто сказал, что дождь смывает все следы?
О нет, неправда, их смывают слезы.
И больше нам с тобой не мять листвы
У осенью обветренной березы.

А трава, служившая периной,
Пожелтела от осенних слез.
Только гроздья красные рябины
Говорят, что было все всерьез.

Лидия КРИВИЛЕВА

Просыпается день,
Перезвоны несутся.
И туманы, как тень,
Невидимкой крадутся.

Пробежался рассвет,
Блеск — росой по траве,
И оставил свой след
На оконном стекле.

Лес блестит серебром
Лист качает росинку.
И за дальним прудом
Зеленеют осинки.

Нина ЕСИНА

Небосвод с облаками качая,
Из-под ног уползает земля.
И багульник пьянящий встречает,
Обнимает, ласкает меня.

Упаду в моховую перину
На опушке, у старого пня,
И в объятьях зеленых остыну
От минувшего жгучего дня.

Илья ЛИПИН

Просто песня

Вновь весна-волшебница в зеленом сарафане
С белой черемухой водит хоровод.
А в поселке Ленинском, где-то на окраине
Самая красивая девочка живет!

Заставляет мучиться, еще в школе учится,
Мама ее строгая гулять нам не дает.
Грустно мне и радостно, что где-то недотрогою
Самая прекрасная девочка живет!

Мне уж скоро в армию, со своей гитарою,
Лишь письмо солдатское до тебя дойдет.
Часто будет сниться мне, что где-то на окраине,
Самая желанная девочка живет!

А приду из армии, станешь уже взрослая,
И пойдут свидания — ночи напролет.
А сейчас я всем скажу, что в доме белокаменном
Самая любимая девочка живет!

Татьяна МАРТЫНЕНКО

Детство, детство, где твои следы?
Где ты, деревенька над рекой?
Ветки верб, склоненных до воды,
Детство, где искать твои следы?

Крепок был у деда старый дом,
Двор зарос весь мелким конотопом,
Бабушка с подойником в руке,
Отдыхает на крыльце высоком.

Там за речкой необъятный луг,
Озерцо, по берегам осока...
В небе, до бездонности глубоко,
Облака куда-то вдаль плывут.

В каждом палисаднике сирень,
По весне цветет неудержимо.
Под заборами в дождливый день
В бисер наряжается крапива...

Отцвели, пропали на лице
Тех веснушек солнечные блики.
И не вспоминается уже
Вкус лесной царицы-земляники.

Босиком, вприпрыжку по росе
Убежало детство, не вернется.
Все, что есть хорошего в душе,
Верю, в нас от детства остается.

Ольга ЧЕРТОРИНСКАЯ

Мое село

Ветер чуть траву колышет,
Гонит рябь издалека.
Замерла природа, тише!
Спит великая река.

Сколько уж тысячелетий
Ты бежишь куда-то вдаль
И блистешь в неровном свете,
Отливая словно сталь.

Но никто не потревожит
Твоего немого сна...
Спит Амур под оком Божьим,
Светит тихая луна.

Крики, брызги, плеск, сигарки,
Сабли, куртки, башлыки...
На плотях, на длинных барках
Вниз спускались казаки.

По течению умело
Провели свой чудо-флот.
«Вот и пост! Давай за дело!»,
«Ну, причаливай, вперед!»

Барки к берегу пристали
И со дна подняли муть,
Люди с мест своих привстали
Землю дикую взглянуть.

«Вот просторы! Зверь и птица,
Лес, река! Как будем жить!»
Здесь и новую станицу
Порешили заложить.

Вышли с барок, разгрузились
Все успели засветло.
Вот с тех пор и появилось
На земле мое село.

Михаил МОИСЕЕНКО

Дорогая сторона моя

Из широких просторов Сибири
Перебрались сюда казаки.
На плотях поселенцы приплыли.
Встали лагерем здесь, у реки.

Первый колышек в землю забили,
Борозду в первый раз провели.
И селенья свои zaloжили
На просторах амурской земли.

Мы наследники прадедов этих,
Хоть приехали с разных сторон.
И родным нам остался навеки
Этот Ленинский славный район.

Эту землю они защищали
И велели потомкам любить,
То, что прадеды нам завещали,
Мы обязаны свято хранить.

И с тех пор малой родиной стали
Нам суровые эти края.
И туманы, и синие дали.
И все это — сторона моя.

Александр КРУЧИНА

В теплом сне мое детство приснится,
Как же с родиной мне повезло!
Ты когда-то считалась станицей,
А теперь ты большое село.

Дней немало и ясных, и хмурых
С той поры незабвенной прошло —
Забайкальский казак на Амуре
Заложил своим внукам село.

Пожелав ему жизни завидной,
Ту станицу, что здесь основал,
Уважительно и солидно
Он Михайло-Семеновск назвал.

Опекая свои поколения,
Тополя на бульваре стоят.
Над Амуром раскинулся Ленинск —
Добрый труженик, пахарь, солдат.

В теплом сне мое детство приснится,
Как же с родиной мне повезло!
Ты когда-то считалась станицей,
А теперь ты большое село.

Александра ЦЫБАНЕВА

Письмо другу

Не по вкусу нам Канары
И Анталия не очень.
Вот когда мы станем стары,
Может быть, сгоняем в Сочи.

А сейчас, как мне вольготно
На селе амурском дальнем,
Расскажу тебе охотно,
Не таясь и досконально.

Разгуляться, поживиться
Можно на таком просторе.
Приезжай, друг, на ушицу,
Карасей наловим море.

Мы с тобой в сезон урочный
Завалить сумеем мишку,
Фазанов, уж это точно,
Настреляем из ружьишка.

Здесь девчонки — топ-модели,
Вмиг помогут нам жениться.
Ну, и что ты, в самом деле
Засиделся в той столице?

Приезжай, откроем дело.
Будут средства, хватит силы.
Здесь в районе любят смелых,
И глава — мужик не хилый.

Отрастим усы казачьи
Прежним правилам в угоду.
Если это что-то значит,
То введем папаху в моду.

Дом построим за оградой,
Гвозди купим, леса много.
Приезжай, здесь будут рады.
Жду. Твой лучший друг. Серега.

Борис САВЕЛЬЕВ**Малая родина**

Ты хороша в любое время года,
Благодаря своей метаморфозе —
Неповторимая амурская природа,
Воспетая не раз в стихах и прозе.

Взлетит фазан с обочины дороги,
Сверкнет луч солнца в разноцветье крон,
В туман оденутся даурские отроги —
Все это родина — мой Ленинский район.

Все это родина — мой Ленинский район.
И мне дороже всяческих наград
Капли мартовской хрустальный перезвон,
Лугов июньских пряный аромат.

А вкус у речки сваренной ухи!
А облаков игра в небесной сини!
Здесь так поют утрами петухи,
Что слышно их по всей России.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ПРОЗА	5
Федор Абросимов	7
Константин Липин	13
Илья Липин	41
Павел Марков	51
Евгения Палкина	54
Людмила Москвичева	58
Светлана Коротина	62
ПОЭЗИЯ	71
Николай Капусто	73
Татьяна Боглаевская	77
Татьяна Гурская	80
Николай Дурнев	83
Александра Днепровская	86
Владимир Журавлев	90
Тамара Ильина	94
Борис Липин	98
Ирина Метелкина	104
Екатерина Малыгина	110
Валентина Панченко	113
Николай Сазонов	115
Антология одного стихотворения	119

Редактор *Н.И. Чековитов*
Технический редактор *Т.В. Короткова*
Верстка *Т.С. Сизовой*
Дизайн обложки *А.Н. Лихолетова*

Подписано в печать 27.07.04.
Формат 84х108 1/32, объем 4 п. л. Бумага офсетная № 1.
Отпечатано в Хабаровской краевой типографии.
680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.
Заказ 2244. Тираж 100 экз.